

Дмитрий Пальцев

16+

A photograph of a person standing in the entrance of a cave. The person is silhouetted against a bright, glowing light coming from the opening. The cave interior is dark and rocky, with a dirt path leading towards the light. The overall atmosphere is mysterious and dramatic.

ВОЛШЕБНИК

Дмитрий Пальцев

Волшебник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43598514

SelfPub; 2019

Аннотация

В маленьком городе бесследно пропадает человек. После безуспешных попыток его найти жена и дети пытаются начать новую жизнь. Но через 10 лет он неожиданно возвращается. Что с ним произошло? Где он был? Из-за чего так сильно изменился? Кто он – обычный городской сумасшедший или хранитель страшной тайны, которую тщательно оберегает? Это летняя, атмосферная, ностальгическая, жизнеутверждающая проза, внешняя размеренность которой лишь готовит читателя к неожиданным сюжетным поворотам. Здесь вымысел магически переплетается с реальностью, но правда всегда остается правдой. Время пришло...

Содержание

1	5
2	20
3	56
4	70
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Все персонажи, события и места действия повести вымышлены.

Любые совпадения не случайны.

В России ежегодно пропадает без вести более 100 тысяч человек.

1

Начало лета 1992 года в Калинове не было особенно жарким. А для здешних мест лето – это всегда большое событие. Это не просто одно из времен года – это возможность заново поверить в жизнь. В нашей стране как-то так сложилось, что лето действительно меняло многое в судьбах людей. И это обещало не стать исключением.

Каждый, кто помнит то время, наверняка задавался вопросами: «Как?» и «Что?». Не важно, чего именно касались вопросы, начинавшиеся с этих удивительных слов. Удивительных – потому что именно это чувство они часто и выражали. «Как такое могло произойти?», «Как жить дальше?», «Что теперь будет?» и, конечно, «Что делать?». Не обошли стороной они и Макара с Женей.

Макар и Женя были знакомы со школы, но только по возвращении Макара из армии решили, что им, как начинали говорить в то время, надо попробовать. Сейчас им обоим было по двадцать пять, у них была трехлетняя дочка Арина, а совсем недавно родился еще и сын Родион.

Макар работал в автотранспортном предприятии водителем автобуса, но Женя настаивала, больше, правда, внутри себя, что это занятие временное. Макар собирался поступать в институт или, как хотела его жена, глядя по сторонам, стать предпринимателем. Им казалось, что деньги еще обязатель-

но придут в их небогатую семью, и сегодняшнее сложное время надо просто пережить. Но работа Макара тоже позволяла ему зарабатывать дополнительно: он с удовольствием мог привезти кому-нибудь из Москвы что-нибудь на заказ, перепродав по завышенной цене. Совершив первую такую сделку и получив относительно легкие деньги, он впервые понял, насколько сильно они могут изменить их жизнь. Но даже этих заработков едва хватало на то, чтобы более-менее достойно существовать.

Женя была учительницей, но хотела оставить эту профессию и освоить торговлю на рынке, которая ей казалось куда более перспективной. Она даже присмотрела себе «рабочее место», но пока дальше разговоров дело не заходило. Зато ее мечты и амбиции, как и у многих местных девушек, простирались далеко за пределы Калинова. Ведь Женя знала, что кто-кто, а уж она точно рождена для другой жизни, больших высот и ярких красок. К этому располагало все – например, ее желания и завышенные требования ко всему вокруг. Да и учительницей-то она стала не по призванию, а потому, что никуда, кроме педагогического, не смогла поступить, а во времена ее учебы там часто бывали недоборы, и двери многих факультетов были полуоткрыты. «Какая я училка, это же смешно, – часто говорила Женя после проверки очередной пачки тетрадей. – Другие вон в моем возрасте по Турциям ездят, а я кроме Селигера нигде не была». Как это обычно и бывает, такое отношение ко всему при-

водило к постоянному недовольству собой, окружающими и всей своей жизнью.

Главной ее мечтой, традиционной для Калинова и ставшей особенно модной в то время, был переезд отсюда подалее, в крупный город. Женя целилась сразу на Москву – зачем ей мелочиться, ведь она была не такая, как все. Это хорошо, тогда еще журналы не печатали статьи о том, что богатые и успешные люди просто обязаны перебраться жить за границу на берег моря. Иначе бы бедная Женя просто сошла с ума от переживаний.

Макар под ее влиянием тоже периодически начинал задумываться о переезде. Но, как говорила Женя, ехать в Москву, чтобы там снова стать водителем автобуса, было «шило на мыло». Это могло быть лишь на время. Поэтому Макар и хотел поступить учиться. Ну как хотел, собирался. Надо ведь было привезти в столицу хорошего специалиста в лице себя. А так как в глубине души ему все-таки больше нравилось в Калинове, он не торопил процесс получения знаний. Женя же понимала, что он просто еще не созрел, и она точно вот-вот его окончательно допилит.

Мешало Макару на малой родине лишь отношение Жени к жизни. И со временем он стал ассоциировать ее агрессивную меланхолию с Калиновым. Это было опорной точкой в его сознании, с помощью которой родная земля и простая жизнь сдвигались в сторону ради призрачных золотых гор, правда, никем, кроме своих собственных иллюзий, не обе-

щанных.

И это при том, что им, как казалось со стороны, уж точно было грех жаловаться. По меркам многих простых людей, у Макара и Жени было все – любовь, семья, лучше, чем у многих, жизнь, и даже маленькая, зато своя двухкомнатная квартира, доставшаяся в наследство от бабушки Жени.

Казалось, в квартире только добавилось жильцов, а все остальное было по-прежнему. И бабушка вот-вот выйдет откуда-нибудь из кладовки (раньше такие делались в квартирах и были особенно любимы детьми как самые таинственные и сказочные места) и начнет ворчать. А потом скажет, что сделала смородиновый пирог, и можно идти пить чай. Кто бывал в таких квартирах, знает, что они обладают особой атмосферой. Это сегодня жилье может быть чьим угодно, и в нем могут пожить за год несколько совершенно разных и чужих друг другу людей. Да и само слово – «жилье». Разве можно так сказать о доме? А тогда квартира была не просто домом. Она была частью человека. Сама квартира и была непосредственно бабушкой, а бабушка – квартирой. Все ее привычки, радости и скорби, вся ее жизнь была в этих стенах. Причем она не просто там находилась, эта жизнь, она была частью этих стен – она выросла, впиталась в них навечно, и никаким ремонтом достать ее оттуда было совершенно невозможно. А если еще на ремонт не хватало денег, что было тогда самым естественным состоянием, то люди годами так и жили – внутри этих заботливых и немного стран-

ных, но очень добрых бабушек. А бабушки помогали им всю жизнь, чем могли, хотя иногда очень любили поворчать. Бывает, закрипит у старушки сустав где-нибудь в районе кухонного крана. Но заботливые внуки тут же вызовут доктора, тот осмотрит и буркнет себе под нос: «Трубы уже старые, менять тут все надо». Но с пониманием добавит: «Изолентой сейчас заматаю, будет как новая. Есть изолента?»

Изолента, конечно, была. В каждой квартире. Если бы ее создатель знал, что его изобретение будет почти что единственным средством ремонта, а иногда даже и декора, для миллионов людей и их домов, он бы назвал его как-нибудь более громко. Например, «лента спасения» или «лента жизни». Будучи скромным и не придав словесного величия своему инженерному шедевру, он ограничился лишь уникальным цветом, который до сих пор у людей, помнящих те времена, ассоциируется с надежностью и долговечностью.

А поворчать повод сегодня был особенный. Только вместо так и не вышедшей из кладовки бабушки эту важную обязанность, без которой не может существовать ни одна семья, по праву прямого наследства с большим удовольствием взвалила на себя ее внучка. Тем более, что они были даже внешне похожи. И, как полноправная хозяйка, понимающая, что именно и как должно быть в ее доме, Женя четко дала понять: щенка здесь не будет, потому что не будет никогда!

Комната отдыха водителей автобусов – место особое, сакральное. Время от времени здесь приходилось быть пси-

хологом, финансовым консультантом, кредитором и кредитующим, мудрецом, философом, дарителем и одариваемым, тем, кто угощает, и тем, кому сегодня дома крепко достанется за то, что его угостили, учителем и учеником, старшим и младшим, начальником и подшефным, напарником, другом, братом, и исполнять еще множество социальных ролей. Люди, находившиеся здесь, волей-неволей часто собирались вместе и были в каком-то смысле семьей – их не выбирали, но с ними приходилось жить. Так что лучше было поддерживать хорошие отношения – ведь так жить гораздо приятнее. А поскольку неприятностей хватало и вне этих стен, это был, пожалуй, единственно возможный способ жить.

Да и не самые плохие люди, надо сказать, здесь собрались. Да, бывали грубы, пьяны и иногда дрались. Но все были простые и без «двойного дна», так что можно было не опасаться получить удар в спину. Только по лицу, и то, в основном, по пьянке, и то не часто.

Сегодня повод собраться всем вместе был если не особый, то уж точно необычный. Посреди комнаты стояла картонная коробочка с высокими бортами, а из нее раздавался писк и скрежет. Это четыре щенка безуспешно пытались выбраться из своего маленького «автобуса», на котором они сюда «приехали», в большой мир.

На старом, продавленном и местами протертом до дыр диване сидел Андреич. Это был один из старейших и самых уважаемых водителей на автотранспортном предприя-

тии, поэтому и занимал почетное место. Грузный, мощный, но не толстяк, темноволосый, усатый, с благородным лицом, он больше походил на актера или оперного певца, чем на простого труженика. Как будто он был рожден для совершенно другой судьбы, но та, сделав финт, сговорившись с жестким и порой не разбирающимся ни в чем временем, забросила его сюда. Теперь, довольная собой, она тихонько потешалась над собственными поворотами, которые ее не лишенный огромной силы духа «любимчик» успешно преодолевал, крутя баранку «Икаруса».

– Долго эта волынка будет продолжаться тут? – спросил Андреич. – Чего они всё пищат?

– Им на руки надо, – объяснил хозяин.

– Ага! – сказал Андреич. – А может им еще водки налить?

– Молока бы им. Это ж дети.

– А здесь что, молочная кухня? Я давно уже заметил, какие-то дети сегодня не те пошли.

Но хозяин, не слушая возмущения, тут же достал из коробки первого попавшегося щенка, посадил его на руки Андреича.

– Да ты... – сказал тот.

Но дальше он продолжить не смог. Маленький комок вдруг стал вить гнездо прямо у него на коленях, и суровому мужчине нечего было ему противопоставить. Он аккуратно взял щенка и молча поставил назад к братьям и сестрам.

– Берите! – уговаривал хозяин собравшихся. – Недорого

же отдаю. Породистые, бойцовые. Настоящие сторожа и защитники. Не пожалеее. Такие красавцы вырастут. Я ж специально кому попало не продаю, для хороших людей оставил.

Ворота АТП отъехали в сторону, и красно-белый «Икарус» быстрее, чем положено, въехал на территорию. Он обогнул административное здание, и тут же остановился. Макар, а за рулем был он, бросил его прямо посреди дороги, тут же выскочил и побежал в комнату водителей.

– Ты че, Макар? – крикнул ему вслед напарник, который свесился из открытой двери, держась одной рукой.

Макар развернулся на бегу.

– Михалыч, ну поставь ты, а? Некогда! И так опоздал.

Михалыч – штатный напарник и близкий друг Андреича, – помимо прочего был известный добряк и один из опытейших и самых лучших наставников. Поэтому молодежь часто давали ему. А вон она какая, эта молодежь – автобусы бросает посреди гаража. Но это, конечно, не было наглостью или пренебрежением. Если Макар так поступил, значит, ему действительно надо. Ведь Михалыча все уважали и ценили, и не в последнюю очередь, за его доброту и покладистость, и никто не посмел бы просто так проявить неуважение. А если бы и так – Михалыч никогда в жизни ни на что не обижался. И за это его уважали еще больше.

Он махнул рукой, залез обратно в автобус, и тот поехал в свою спальню, в бокс, отдохнуть и готовиться к новой по-

ездке.

Запыхавшийся Макар вбежал в комнату водителей.

– Фу, успел, – сказал он сквозь сбитое дыхание.

– Только тебя и ждем, – сказал Андреич. – Давай уже забирай своего дармоеда.

Макар посмотрел на коробку. В ней копошились шерстяные комки, пытавшиеся перепищать друг друга. Они наступали лапами на головы и тельца своих братьев и сестер, чтобы взобраться повыше на бортики. Ну прямо как люди. Он стал расспрашивать хозяина о характере щенков, осматривал их со всех сторон, и, наконец, определившись, взял одного из них на руки.

– Ну и правильно, – сказал Андреич. – Все, я пошел. Чтоб бодягу эту всю убрали и порядок тут за собой оставили.

– Обижает, шеф, – сказал Макар. – Все будет, как всегда.

– Вот я и предупреждаю, чтоб не как всегда, а порядок был. Все, давайте.

Он пожал всем руки, потрепал выбор Макара по мягкой короткошерстной макушке, собравшейся при этом в щетинистую гармошку, и вышел за дверь. Через полминуты в окно было видно, как он прошел мимо административного здания и направился в сторону дома.

От предложения отметить покупку Макар решительно отказаться, и, убрав свое острозубое приобретение за пазуху, тоже собрался домой. Но тут же был остановлен в дверях Михалычем, который принялся рассматривать щенка и дол-

го их обоих не отпускал.

– Себе не хотите? – спросил хозяин.

– Не, у меня кот, – ответил он.

Наконец, когда все игрища закончились, пес, став вдруг серьезным, начал раздражаться и засыпать. Макар пошел домой.

– И куда мне его теперь девать? – злился Макар. – На улице что ли?

– А раньше ты подумать об этом не мог? Это не мои проблемы ни разу! Или тебе зарплату повысили в твоей богадельне? Он вырастет, как лошадь, а жрать будет вообще, как бегемот!

– Не вырастет, – уверенно заявил Макар. – И ничего не богадельня. Хорошая работа. Мне нравится.

– Ну класс! Тебе еще и работа теперь, оказывается, нравится. Может, вообще тогда ничего менять не будем? Переезжать никуда не надо, будем тут с твоим барбосом последний хрен с солью доедать.

– Можно и не переезжать. Я тебе об этом давно говорил.

– Отлично! Приехали!

– Переехали, – иронично, как ему показалось, поправил Макар.

Женя пришла в состояние особого женского бешенства, которое свойственно девушкам, когда мужчины не соглашались с ними по тем вопросам, которые они для себя уже

давно решили. Навык моментально вызывать это бешенство оттачивается годами – оно должно приходить сразу во всей красе, и потом, при необходимости, то есть при отсутствии наблюдателей, так же быстро уходить. Первые его признаки – это многозначительное молчание с глубоко обиженным или чудовищно озлобленным лицом. Макар понял, что наступил на мину, и решил отмотать пленку немного назад, вернув разговор в не менее погибельное для своей нервной системы, но все же чуть менее личное и чуть более предсказуемое русло.

– Да не вырастет он особо, – сказал Макар. – Средним будет, обычая собака.

– Откуда ты знаешь? Он что, тебе обещал?

– Это хороший пес, породистый. Он вот такой будет.

Макар показал рукой чуть ниже колена.

– Питбуль, бойцовый. Мне он бесплатно достался. Почти... У него там что-то по экстерьеру не подходит, и ему на выставки нельзя. Так вот заводчик и предложил у нас, кому надо. Ну я и...

– О Господи! Он еще и бойцовый. Ты читал, что про этих твоих собак в газетах пишут?

Состояние Жени, конечно, изменилось, но не так, как хотел Макар – теперь оно уверенно приближалось к истерике, и на глазах у нее стали выступать первые слезы манипуляции. Где-то Макар опять просчитался.

– Нашла, чему верить. Врут все твои газеты. А Аришке

как будет приятно. Это ж ей подарок, она просила. И Родя подрастет – у него уже друг будет. Дети должны расти с животными.

– Что за бред? Это тебе твои ученые коллеги, специалисты по всем по всем вопросам, рассказали?

– Коллеги, как коллеги. Нормальные мужики.

– Аришке три года! А если она завтра у тебя попросит верблюда, ты ей купишь? Она ребенок еще... Да эта собачка детей может просто-напросто убить, ты понимаешь? Так, или ты возвращаешь эту зверюгу туда, где ты ее взял, или можешь ночевать вместе с ней на улице.

Маленькая Аришка в эту ночь плохо спала. Ей снились всякие кошмары. Она ждала с рейса папу, но он задержался, и мама заставила ее идти спать. И это было почти предательство! Ведь все знают, что Аришка засыпает только тогда, когда приезжает папа. А сегодня... Она проснулась оттого, что папа вернулся. Но ей не хотелось выбегать из комнаты ему навстречу, как она делала это обычно. Она очень хорошо знала этот тон, которым они разговаривали с мамой. И хоть они пытались говорить тише, чтоб не проснулся маленький братик, все, что происходило между родителями в данный момент, источало опасность, зло и страх. Она слышала, как ругались ее мама и папа до этого всего лишь дважды, но этого ей вполне хватило, чтобы навсегда пообещать себе: «Когда я вырасту и стану мамой, никогда не буду ругаться при своих детях». Хорошо, когда дети в три года уже настоль-

ко умны. Плохо, что делают их таковыми совсем недетские мысли.

Хотя Аришка понимала, что между родителями происходит что-то неприятное, ей показалось, что она отчетливо слышала слово «собака». «Они что, обзываются друг на друга?» – подумала девочка. Аришка спряталась под одеяло. Так ей было хотя бы ничего не слышно. Однако ее мудрому старому защитнику, выдавшему и хорошие, и трудные времена, знавшему радость и впитавшему много слез, не удалось уберечь ее от громкого хлопка дверью. Она вышла из комнаты и увидела еще злящуюся маму.

Макар с силой открыл дверь подъезда. В лицо ему подул прохладный и влажный ветер. Похоже, собирался дождь. Лето как будто дразнило всех своим скверным характером, как это делает избалованный непослушный ребенок, который точно знает, что всем от него нужно, но специально не делает этого, чтобы все вокруг отдавали свое внимание лишь ему одному. В самом деле, какой толк быть теплым и милым, если радости от этого у людей хватит всего лишь на один день? Через неделю все просто привыкнут, через две начнут ругаться, что надоела жара, а потом и вовсе захотят дождя или грозы. И никто не вспомнит, что сейчас оно здесь – то самое лето, которое ждали, о котором так долго говорили, с которым связывали столько надежд. Лето, пришедшее отогреть замерзших внутри и снаружи людей, которым каждое новое лето в жизни давалось все тяжелее. Только дети

беззаботно встречали его, как друга, и продолжали ждать. Ведь ничего другого им было, в общем-то, и не надо. Ну, может еще мороженое и жвачку. Нет уж! Пусть теперь позовут, как следует, попросят, чтобы оно пришло. А оно стоит и для вида пообижается за прошлый год, когда все от него, видите ли, «устали». Пусть попросят его о тепле. Тем более, что простить оно уже готово и вот-вот само ворвется в каждый дом лучами солнца. И отдаст без остатка все, что у него есть, и счастливым, и несчастным. Каждую каплю тепла, каждую травинку, каждую букашку, каждый всплеск воды в реке, каждый закат, который всего лишь через три часа сменится рассветом. Каждую теплую ночь и каждый жаркий день. Каждую ягоду и гриб. Каждый запах каждого цветка, который ворвется в ноздри открывших окна уставших водителей, и те приостановятся, чтобы распробовать его как следует. Оно должно сделать за эти три месяца очень многое: дать людям саму жизнь, чтобы ее хватило на осень и долгую зиму.

Щенок на руках Макара тихо заскулил. «Ему ведь даже не налили молока. Зачем его таскают туда-сюда целый день? Все-таки коробка была не так плоха. И где эти маленькие нелепые существа, с которыми хотя бы можно скулить вместе? Где мама? Где его семья? Только эти большие руки со странным запахом, которого он пока еще не знал. Что-то тут не так! Не может хорошая история вот так начинаться».

– Ну что, малой? Спать охота?

Макар потрепал одним пальцем по макушке «бойцовую собаку». Сейчас этот «зверюга» больше походил на раздувшуюся неповоротливую мышь. Даже подумать о том, что из него может вырасти что-то опасное, было смешно.

– Ёёё! Ты ж у меня голодный! Я ж думал, мы сейчас дома поедем. Эээх! Ну, извини! Не судьба, видишь. Ты не переживай, брат. Не пропадешь. Лето же. В гараже пока тебя пристрою. А к осени уж точно что-нибудь да образуется. Может, кто возьмет. Или Женька согласится.

Щенок как будто понял то, о чем говорит Макар, и попытался повилать в ответ неуклюжим хвостиком. Макар опустил его на землю.

– Давай-ка, займись своими делами. А то ты мне сейчас еще рубашку заделаешь. Ну, давай, беги. Беги, беги!

Андреич вышел из подъезда ранним утром самым первым. Еще даже дворники не заняли свои посты, и пыль лежала толстым слоем на остатках асфальта. Дождя ночью так и не было. Он вспомнил, что когда ходил в рейс, дождь любил – не так воняет в автобусе. Все-таки автобус и лето, как ни крути, не друзья. Хотя и с зимой у них отношения не особо складываются. Он обошел дом и направился в сторону автобусного парка. А из кустов ему навстречу неуклюже выкатился щенок.

– Это еще что за... Погоди... Тебя ж Макар вчера забрал. Ты чего тут забыл? Макар, ты здесь что ли? Макааар

2

– Аришка-мартышка!

Родион намеренно отставал от сестры.

– Ты достал уже! Давай быстрее. Думаешь, мне охота тебя повсюду искать?

Арина злилась. Вместо того, чтобы проводить долгожданное лето со своими друзьями, она должна была искать по дворам своего малолетнего брата и тащить его на обед.

С тех пор, как десять лет назад бесследно исчез их папа, мама особенно с ними не церемонилась. Она стала жестче и холоднее. Как будто какие-то из ее прежних чувств просто взяли и закончились, как газировка в банке. И теперь эта пустая банка валялась смятая где-то в самом запыленном углу ее души, и ее не выбрасывали лишь только потому, что лень было за ней наклоняться.

И Арина с детства привыкала быть похожей на мать. Твердая, прагматичная, не доверяющая людям. И больше всех от этого доставалось ее брату, который еще сохранил остатки детской непосредственной доброты и способность удивляться миру.

Взрослый скажет, что искренняя детская радость по поводу первого найденного в этом году в траве майского жука, первого похода на речку или первых недозревших яблок, которые взрослому человеку просто невозможно откусить –

настолько они кислые – всего лишь оттого, что дети не умеют сдерживать свои эмоции. Но на самом деле все не так! Любой ребенок – не меньше, чем межпланетный исследователь или пропахший землей археолог. Это легчик-испытатель, первопроходец-мореплаватель и притаившийся где-то в кустах опытный охотник. Именно дети совершают ежедневно сотни открытий, смысл которых всегда сводится к одному – понять, что этот мир огромен, непознаваем и загадочен настолько, что ни одной, даже вечной жизни (а каждый ребенок знает, что он обязательно будет жить вечно) не хватит, чтобы его исследовать. И, поняв это, снова восхититься и отправиться в путь. А самое главное время исследований и новых открытий – это, конечно, лето. Поэтому никакая несдержанность тут не причем. Просто радоваться тоже надо уметь, и, как и любому навыку, этому можно быстро разучиться, если регулярно его не практиковать.

Поэтому нельзя терять времени! Ведь в детстве мы способны удивляться даже самым простым вещам: криво выросшей ветке дерева, новому виду божьей коровки и абсолютно необъяснимому с точки зрения маленького ученого движению Луны вслед за ним, куда был он ни пошел, будто она привязана на веревочку, как воздушный шарик. Даже новые знания не убивают эту способность. Они лишь питают ее, не давая покоя по ночам. И только став взрослыми, мы полностью ее теряем как ненужную, непродуктивную и просто неприменимую. Попробуйте вспомнить, когда вас

последний раз удивляли простые вещи? Может, именно этого нам всем и не хватает, и, потеряв этот уникальный навык, жизнь становится неполной?

Арина с Родей дошли до своего двора. Там уже стояли три подруги Арины, которые свысока смотрели на ее младшего брата.

– Тебя как, ждешь? – спросила Арину Олеся, главный двигатель их постепенно взрослеющей компании.

– Сейчас загоню домой и выйду.

Арина обернулась в поисках брата. Он уже нашел какую-то компанию мальчишек поменьше и затеял с ними игру. «Несносный засранец! И как только мы его до сих пор терпим».

– Родя! Давай пошли, достал уже.

Родион не обращал не сестру особого внимания. Арина подошла к нему, схватила за руку, намерено сильно дернула и потащила его к подъезду, недалеко от которого стояли ее подруги.

– С собакой чтоб погулял после обеда.

– Ага, – отозвался Родион, едва успевавший за темпом сестры.

Арина подошла к подругам.

– Сейчас его покормлю и выйду.

Олеся смотрела на Арину, но ее взгляд проходил сквозь нее. Глаза ее медленно расширялись от удивления, непонимания и страха одновременно. Лицо Олеся стремительно ме-

няло цвет и становилось белым, как только начинающий облетать с тополей пух. Две другие подружки, посмотрев в сторону Арины, тоже начали моментально меняться. Родиона это очень рассмешило.

– Вот застыли, как ледышки! У вас что, солнечный удар? – весело спросил он.

Арина тоже не могла ничего понять.

– Да что с вами? Вы что, зомби увидели что ли?

Олеся продолжала смотреть Арине за спину.

– Вы чего так на нас... на них смотрите? Что вам нужно? Я сейчас отца позову, – пригрозила она человеку, стоявшему напротив, за спинами Арины и Роди.

– Зачем же отца звать? – усмехнулся мужчина. – Он и так уже здесь. И ничего плохого, кстати, я тут никому не сделал.

Резкий холод пробежал по спине Арины со скоростью полета пули. Нет, он не пробежал, он пронзил ее от пяток до самой макушки и теперь уже полностью владел ею. Такого не бывало летом. Такое может случиться только зимой, когда мороз уже заберется под одежду и, после того, как захватит последний рубеж – собственное тепло, – уже навсегда завладеет человеком, погрузив его в то самое состояние, находясь в котором кажется, что согреться уже будет невозможно никогда. А следом тело догоняло сознание. Арина поняла, что знает этот голос. Повернуться у нее не хватало смелости, она лишь сильно сжала руку брата.

– Ай! – отозвался на неожиданное рукопожатие Родион.

Арина смотрела в немигающие глаза Олеси. Надо было разворачиваться. Сейчас что-то произойдет. Нет, оно уже произошло, и оттягивать дальше не было никакого смысла.

Не дожидаясь, пока пройдет необходимых три дня, и милиция сможет приступить к поискам, Макара искали почти всем домом. Все надеялись на недоразумение или скорый ответ, который бы все объяснил, но его нигде не было. Ни Макара, ни ответа. Никаких следов, которые как-то могли бы помочь и дать какую-то подсказку, Макар не оставил. А так как за ним подобные выходки никогда не числились, и туда, где он хотя бы предположительно мог быть, он за прошедшие почти полные сутки даже не заглядывал, это было более чем серьезным поводом для беспокойства. Женя же хоть и винила себя и пила целыми пузырьками успокоительное, в глубине души понимала, что их конфликт никак не мог стать причиной пропажи Макара. Скорее всего дурацкое стечение обстоятельств стало причиной чего-то страшного, необъяснимого, с чем ни ей, никому из ее близких никогда в жизни еще не приходилось сталкиваться.

На полу сидел щенок с вымазанной в молоке мордой. Длинным языком он пытался достать почти до самых глаз и слизать все остатки молока. Женя который раз смотрела в его глаза с надеждой: «Ну дай ты хоть как-нибудь понять!» Но всем своим видом он лишь давал понять, что не даст.

Позже к поискам подключилась милиция, но и это не да-

ло никаких результатов. Было сделано официальное заключение – «пропал без вести». И, как всегда, расшифровано неофициально самыми понимающими экспертами: «Да сбежал он от нее, к другой ушел, что тут непонятного...» А потом вдруг все разом прекратилось, и случилось страшное – закончилось лето. А с ним и надежда. И все вернулись к своим делам, семьям, разбрелись в свои маленькие норки готовиться к зиме.

На Арину и Родиона смотрел папа. Арина сразу его узнала. Он был почти такой же, как на той фотографии, которую она постоянно видела дома – снимке аппарата Polaroid. Она хорошо его изучила, после того как папа бесследно исчез. Они с мамой стояли рядом друг с другом. Мама открыто, искренне улыбалась. А папа, как всегда, был спокоен и сосредоточен. Мама была одета в широкую юбку и самую актуальную для тех времен кофточку – единственную ее нарядную одежду на все случаи жизни. В кофту были вставлены огромные плечики, из-за чего торс если ни миниатюрной, то уж точно хрупкой Жени, был треугольным, как у профессионального атлета, а ширина плеч была сравнима с папиной, который был больше мамы на несколько размеров, выше ростом и тяжелее килограммов на тридцать. Эти накладные, точнее, подкладные плечи, пришивавшиеся внутрь часто самостоятельно, были уже уходящим капризом моды, который перед тем, как окончательно исчезнуть, чтобы когда-нибудь

вернуться, напоследок решил заглянуть в провинциальные уголки страны и какое-то время здесь от души погулять. Папа был одет, как все взрослые мужчины того времени. Летняя, то есть светлая рубаша с короткими, но непомерно широкими рукавами, как будто они кроились под античного Атланта, а никак не под худые руки простых провинциальных людей, растущих после двадцати лет обычно только животом вперед, но при этом не всегда досыта наедавшихся. Брюки на папе тоже были очень широкие, как две мешковины. Однако каким-то чудесным образом им удавалось сходиться на поясе и затягиваться на ремень. Как и любая классическая любительская фотография, эта была выполнена в стиле «до колен». Почему-то голень была крайне нелюбимой частью всех владельцев фотоаппаратов, и на каждом снимке они старались во что бы то ни стало ее обрезать.

Фотография долго стояла у них дома на шкафу-«стенке», на самом видном месте. Но, то ли из-за плохого качества кассеты, которая деликатно высывала снимок, как язык, из прорези своего тонкого рта на квадратной челюсти, то ли из-за неправильного хранения этой кассеты, а может и самой фотографии, со временем она стала сначала тускнеть, а потом рассыпаться. Между двумя ее слоями начала понемногу распадаться химическая основа, которая и была непосредственным носителем снимка. Именно она помнила этот самый момент, а потом память как будто бы стала постепенно выветриваться. А вместе с ней снимок стал менять цвета и

исчезать изнутри. И хотя по непонятной причине лица папы это разрушение не коснулось, через какое-то время мама убрала фото куда-то далеко. Видимо, теперь в ее жизни такая память ей больше была не нужна.

Папа остался почти такой же, как на фотографии. Только его волосы стали короче, и в них навсегда поселилась зима. А еще он оброс щетиной, тоже наполовину седой, и напоминавшей ровно скошенную траву, выгоревшую от жаркого летнего солнца. Теплый ветер обдувал его лицо, а солнце светило почти прямо в глаза. То ли от ветра с солнцем, то ли от встречи, они становились все более влажными, и Макар зажмурился и сделал рукой козырек, чтобы защититься от надвигающегося дождя.

Арина смотрела на отца, не отрываясь. А Родион бегал глазами между сестрой и незнакомым ему мужчиной, который теперь стал главным объектом внимания всего двора.

– Аришка, это кто?

Родион дергал сестру за руку. Но она как будто не слышала его, и вопрос растворился в летнем ветре и вместе с тополиным пухом улетел высоко в небо.

– Аришка, кто это!

Родион уже не спрашивал, он требовал немедленного ответа. Арина медленно повернулась и посмотрела на брата. Казалось, до последней секунды она не уверена в том, что сейчас должна сказать. Но увидев, как брат похож на отца лицом, мимикой, какими-то совершенно неуловимыми же-

стами и манерой движения, которые нельзя описать словами, точно так же, как нельзя их и не заметить, была вынуждена это сделать, потому что иначе это значило отрицать очевидное.

– Родя, это... это папа.

А еще у Макара изменились глаза. Теперь его взгляд из пусть и сосредоточенного и деланно серьезного, но, тем не менее, светлого, молодого, немного шального и полного надежд, стал глубоким, осмысленным и по-настоящему мудрым. В такие глаза можно смотреть часами, но далеко не каждый сможет выдержать такой взгляд. В нем есть все: боль и счастье одновременно, радость и грусть, мудрость человека, познавшего жизнь во всех ее проявлениях, горечь утрат и радость встреч. В них есть жесткость и мягкость, сила и смирение, знание и пыл для новых открытий. Нет в них только лжи, трусости и подлости. Наверное, именно такой взгляд должен быть у настоящего волшебника.

Макар вытянул вперед руки и раскрыл их для объятий. Арина неуверенно позволила отцу обнять ее. Он долго держал дочь, как будто старался вместить в эти объятия одновременно все те, которые за десять лет он ей задолжал. Когда он, наконец, отпустил Арину, казалось, прошла целая вечность.

– Где ты был? – строго и деловито спросила дочь.

Макар нежно улыбнулся.

– Неважно. Главное, что теперь я с вами.

Он взглянул на Родиона, который пока еще с недоверием смотрел на него, потом опять перевел взгляд на Арину и задал вопрос, который не требовал никакого ответа.

– Это...?

Макар понял, что этого достаточно, и продолжать фразу не имеет смысла. Арина кивнула в ответ.

– Да.

– Сынок...

Макар произнес это слово таким тоном, как будто объявлял это кому-то в переполненном зрительном зале и одновременно ставил штамп в документе. Хотя адресатом этого послания был, конечно, в первую очередь он сам.

Макар огляделся по сторонам. Народу во дворе прибывало. Те, кто не стал спускаться во двор или не оказался там в нужное время, внимательно и безотрывно наблюдали со своих балконов, стратегически обзоревав всю картину целиком. С разных сторон слышались голоса: «Макар», «Здорова!», «Вернулся», «Ни фиги себе!». И женские причитания: «Как же это», «Что ж теперь будет», «Где ж это он был-то».

Макар вопросительно посмотрел на Арину. Он понимал, что надо срочно спасаться, но как это сделать, идеи у него пока не было. Неожиданно не выдержавшая с непривычки долгого взгляда отца Арина сама эту идею и подбросила.

– Мне надо Родю кормить...

– Ну так а чего мы ждем? – обрадовался неожиданно нашедшемуся выходу из ситуации Макар. – Пошли скорей! Че-

го он будет голодным ходить? Да и я б от чая не отказался.

Арина все еще неуверенно смотрела на отца. Макар понял, в чем именно сомневается дочь, и тут же сбавил напор.

– Ну давай, Аришка, спасай папку, – ласково произнес он и обвел глазами продолжавшую собираться толпу. – Иначе нам с тобой скоро будет от них не отделаться.

Арина поняла, что это действительно будет решением, и они с отцом и братом пошли домой.

Когда Арина открывала дверь квартиры, Макару сразу же бросилось в глаза, что дверь новая, и замок, разумеется, от старой переставлять никому бы в голову не пришло. Он взглянул на другие квартиры, и нашел замену вполне естественной – теперь все стали жить за железными дверями. Или в домах накопилось больше ценностей, чем раньше, и хозяева опасались за их сохранность, памятуя, каким трудом они им достались, или люди стремились еще больше отделаться друг от друга, переводя соседей из старой категории «почти друг» в новую «меньше знаешь, крепче спишь».

Пока Арина поворачивала ключи в замке – от волнения это получалось у нее хуже, чем обычно, – за дверью слышалось какое-то шуршание. Макар догадывался, что это может быть. Как только дверь открылась, к хозяевам бросился пес. Но неожиданно вместо привычных Мама, Арины и Родиона, всех вместе или по отдельности, или их друзей, или друзей их друзей, перед ним стоял... Он.

В мудрых глазах настоящего четвероногого мужчины, чья

история уже вела свой путь к финалу, пронеслись все годы жизни. Это был не просто увеличившийся в размерах щенок – это был настоящий преобразившийся из неуклюжего милого комка без единого излишества идеальный совместный труд природы и человека. От возраста тигровый окрас собаки стал тускнеть, а морда покрылась сединой и знанием жизни. Почти неизменными, лишь сменившими размеры на более подходящие, остались белый «галстук» и такая же белая «перчатка» на левой передней лапе. Тело собаки, даже уже находящейся в солидном для этой породы возрасте, представляло собой сгусток мускулов, как будто прилаженных один к другому искусным конструктором идеальных биологических машин, главным кредо которого является простой и эффективный девиз – «ничего лишнего».

Пес еще секунду смотрел на Макара, и потом случилось то, что не ожидала даже сама собака – он его узнал. В один момент у далеко не самого последнего представителя боевой породы затряслись задние ноги, и глаза превратились в те самые щенячьи, которые были много лет назад, когда Макар по дешевке брал его у заводчика. Еще секунду собака стояла, и затем, жалобно скуля, резко сорвалась с места и кинулась прямо на руки Макара. От неожиданности Макар отшатнулся, не удержал равновесие и упал на спину обратно в подъезд. Но, вопреки ожиданиям детей (хотя непонятно, почему у них были именно такие ожидания), он не разозлился. Он начал не менее живо и весело обнимать и хватать пса, пере-

катываясь прямо по полу подъезда. Пес игриво вырывался из его рук и опять прыгал к Макару, стараясь лизнуть его непременно в лицо, и сцена повторялась вновь раз за разом. Смотревшие на это Арина с Родионом сначала недоумевали, но через секунду хохотали на весь дом, в шутку ругая собаку и так же в шутку награждая ее новыми прозвищами в духе «предатель» и «изменник».

Когда закончился ритуал встречи, Макар как ни в чем не бывало встал, отряхнул одежду и зашел в квартиру, и Арине наконец-то удалось закрыть дверь.

– Ну, и как тебя зовут? – спросил Макар непосредственно у собаки.

– Рэй! Рэй! – весело ответил за пса Родион.

– Отличное имя! Я сразу понял, что ты у нас очень умный парень, – похвалил собаку Макар.

И хоть похвала была не совсем понятна детям, они остались довольны тем, что Макар и Рэй друг другу понравились. По крайней мере, Родя.

А дальше был настоящий домашний обед – летние щи со щавелем и картошка с сардельками на второе. Макар с удовольствием съел две порции щей. Сдержало его от третьей лишь понимание того, что тарелку концентрированного горячего лета может еще кто-то захотеть. В эти минуты он был по-настоящему счастлив.

Пока Арине с трудом удалось заставить Родиона пойти погулять с Рэем, а уходить одинаково не хотели они оба, Макар

наконец-то спокойно осмотрел кухню. Уже в ванной он понял, что живут здесь явно лучше, чем жили десять лет тому назад, и даже лучше, чем он десять лет назад мог себе представить. Он тихо порадовался за Женю, что ее крутой жизненный трамплин все-таки позволил ей мягко приземлиться.

Как только Арина «выгнала» брата гулять с собакой, она вернулась на кухню, и они с отцом пили чай. Дочь смотрела на отца не отрываясь, как бы изучая его: а вдруг вместо ее папы кто-то, решивший очень зло пошутить, подсунул ей очень похожего двойника, чтобы окончательно разбить ее и без того раненое сердце и поиздеваться над всеми. Но папа был самый что ни на есть настоящий. И он смотрел на свою дочь с любовью и восхищением.

– Какая ж ты красивая, Аринка! Как будто и не в меня совсем, – смеялся он над собой.

– Ну, не такая уж и красивая, на самом деле. Может слегка симпатичная. Так что не сомневайся, точно в тебя.

Макар заметил, что, в отличие от Роди, Арина не выглядела обрадованной. Наоборот, она была напряжена и специально держала дистанцию. «Не доверяет. Не простила. Оно и понятно. Так, наверное, и правильно – все это ему еще предстоит заслужить, если сможет и успеет. И ведь неизвестно, какой «официальной версии» тут было принято придерживаться насчет его исчезновения. К тому же, она была дерзкая и даже немного агрессивная, что, конечно, свойственно

подросткам. Но у нее наверняка были на это и свои личные причины и, возможно, яркий пример перед глазами».

– А можно вопрос? – Макар попытался разговорить дочь.

– Конечно, – ответила Арина. – Но не просто так. Вопрос за вопрос.

– А ты у меня деловая.

Он знал, какой именно будет вопрос к нему, но подал хитрую реплику видимого одновременно согласия и несогласия, к которой часто прибегают люди, чтобы добиться своего, но ничего не давать взамен.

– Ну, можно попробовать.

На самом деле Арина тоже догадывалась, какой будет вопрос у отца, но решила, что озвучить его должен он сам. Макар попытался выразиться максимально корректно, потому что не знал, как отреагируют на его вторжение в такую личную сферу.

– Родион... Он... Ну... – Макар не знал, как правильно выразиться. – С ним что-то?..

Арина решила не продолжать мучительные попытки отца остаться предельно тактичным. Она покивала головой в знак согласия.

– Да. ЗПР.

– А... это что? – уточнил Макар.

– ЗПР. Задержка психического развития. Ему сейчас десять, но психологически – лет шесть-семь максимум. Нет, все-таки, наверное, шесть. Если осенью он какие-то там те-

сты не пройдет, его, скорее всего, признают умственно отсталым.

– Что за глупости? Я же видел его – никакой он не отсталый. Ерунда какая-то!

– Врачи тоже видели. Мы его осенью в спецшколу хотим устроить. В обычной он не выдержит. Да и куда ему в обычную – он там старше всех в классе будет.

– И что с того? Ну, будет старше. Зато обижать никто не посмеет.

– Наоборот. Это он сам по себе больше, а внутри это ребенок. Причем еще более сопливый, чем даже те, кто младше его. Там таких не любят. Дети очень жестокие.

– Не говори так о брате. Сопливый. Это тебе что...

– Правда?!

Арина смотрела на отца испытующим взглядом. Макар понял, что права указывать им, как себя вести, и вообще проявлять какие-либо авторитарные наклонности, у него здесь пока что точно нет. Слишком круто он взялся за дело.

– Извини меня. Я просто... Да как же это так...

Но Арина уже получила все необходимые для нее входящие данные, чтобы впредь не дать себе расслабляться с этим человеком. «Если у нее когда-то и был отец, то сейчас его точно нет». Ее немного рассеянный от произошедшего сегодня взгляд наконец-то усмотрел те правильные, как ей казалось, чувства, эмоции и мысли, за которые можно крепко ухватиться и впредь надежно опираться, не ставя под сомне-

ние. Злоба и обида. И если вдруг ее сердце начнет размягчаться, как хлопья в горячем молоке, ей стоит держать себя в руках и напоминать о том, что на самом деле это за человек.

– После твоего...

Арина осеклась. Все-таки провоцировать на агрессию взрослого мужчину, физически гораздо более сильного, когда рядом больше никого нет, не стоило.

– Ну, того случая...

– Я понял, о чем ты, – вполне дружелюбно произнес Макар. – Продолжай.

– Врачи говорили, что общая обстановка в семье повлияла. На нем это очень сказалось. Сначала он был сильно капризный. Никогда не угадаешь – сейчас он спокойно сидит, а через секунду – дикая истерика, и мы его два часа не можем заткнуть. Потом прошло вроде, хотя иногда все равно бывает. Теперь другие проблемы добавились. В общем, не сахар.

Макар смотрел в пол, и чувство вины грызло его изнутри, как оголодавший после безуспешных многодневных поисков еды одинокий хищник, готовый броситься на любую добычу, подающую хотя бы отдаленные признаки жизни. Получается, это он стал причиной этой странной болезни собственного ребенка. А потом не был рядом и не мог помочь.

Арина увидела это, и решила отвлечь отца. В конце концов, к больному брату она уже привыкла. А вот с Макаром ей было некомфортно, а переживать такое его состояние вместе ей и вовсе не нравилось.

– Теперь моя очередь! – сказала она.

– Что?

Ее слова пронеслись мимо Макара. И это был не дежурный вопрос, который иногда задают с целью выиграть секунду времени и продумать ответ, или простое невнимание. Он сейчас и правда как будто находился в другом измерении, откуда голос дочери был слышен очень плохо, потому что помехи создавали глубочайшая пропасть чувства вины и длинные амплитудные волны боли.

– Моя очередь задавать вопрос, – повторила Арина.

– Аааа!

Макар и попытался выдавить из себя улыбку, но она получилась какой-то дурацкой.

– Ну давай.

В глубине души он надеялся, что вопрос будет о чем-то другом, но умом четко понимал, что он будет именно таким, каким будет. В любом случае, в самое ближайшее время именно этого вопроса ему не удалось бы избежать.

– Где ты был все это время?

Арина смотрела на папу совсем как взрослая. Макар вздохнул.

– Понимаешь, – Макар задумался.

Он подбирал слова, чтобы не разрушить хрупкий картонный домик их делящихся чуть больше трех часов новых взаимоотношений, который так удачно и неожиданно для него сложился сам по себе. Несмотря на закрытость и абсолют-

но нормальную для такой ненормальной ситуации озлобленность Арины, его не прогнали сразу, никто не устроил ему истерики. Более того, с ним разговаривали, и его пригласили домой. Он понимал, что сейчас любое дуновение ветра, даже теплого и даже в шутку, может навсегда разрушить то, что уже никогда не соберет даже самый искусный архитектор человеческих душ.

– Ты уже взрослая, и я буду честен с тобой.

Такой подход Арине польстил. Она ждала какого-то серьезного признания. Макар еще несколько секунд молчал.

– Я пока не могу тебе этого сказать. Но однажды я тебе обязательно все-все расскажу.

– Когда однажды? – требовала конкретики Арина.

– Когда придет время.

– И когда оно примерно придет? – Арина явно не собиралась сдаваться.

– Когда будет можно. Поверь, я бы очень хотел тебе рассказать, но не могу. Еще не пришло время.

Макар посмотрел на Арину. Ему очень хотелось не быть в таком положении, но по-другому было просто невозможно. Арина не знала, как реагировать. Она впервые в жизни имела дело с таким вежливым, но в то же время жестким и бескомпромиссным отказом. Если тебе явно соврали – можно разозлиться или обидеться. Если пытаются хитростью уйти от ответа, «отмазаться», тут тоже есть набор реакций. Как существует и масса вариантов принять правду, которую сам

изначально упорно требовал. По крайней мере, у взрослых людей, как она успела понять за свою жизнь, здесь скрыт самый широкий простор для маневра. Они сначала упорно добиваются этой правды, какой бы она ни была, а потом ты еще должен оправдываться за правду. Точнее за то, что сказал не такую правду, какую они хотели услышать. А может смысл этого подхода как раз и заключался в том, что какую бы правду ты ни сказал, она все равно окажется не такой, как надо. «Но как все-таки быть в этой ситуации? Что ответить?»

Арина смотрела на отца, как бы требуя дополнительно чего-то еще, каких-нибудь зацепок и крючков, действий или слов, чтобы с их помощью понять, как ей действовать. Но папа просто смотрел на нее и слегка улыбался. На помощь пришел неожиданный звонок в дверь.

Арина открыла. На пороге стоял Родион, радостно вилял хвостом Рэй, а за их спинами стояли трое друзей Роди. Каждому из них было не больше шести.

– А где папка? – спросил Родион.

Арина посмотрела на всю эту компанию, пытаясь сообразить, что именно задумал брат.

– А что?

– Позови его!

Арина все поняла.

– Зачем?

– Ну позови!

– Ты домой заходишь, или как?

Макар услышал их разговор из кухни, и понял, что, возможно, сейчас нужен сыну, как никогда. Он встал и подошел к открытой двери. Родион очень обрадовался, увидев отца.

– Папка, папка!

Родя подбежал к Макару, но в последний момент почему-то не решился его обнять. Макар понял его замешательство, и сам обнял сына.

– Да, сынок.

– Поняли, – обратился Макар к друзьям. – Я же говорил вам!

Друзья согласились с неопровержимостью доводов Родиона.

– Ого! Обалдеть вообще! Круто! – наперебой зашумели они.

– Ну все, я домой, – сказал Родя.

Родион, привыкший получать насмешки и уже научившийся спокойно это переживать, не обращая внимания, в этот миг впервые в жизни чувствовал себя настоящим победителем.

– Вечером, может, выйду. Или завтра! Пока!

– Пока! Пока!

Малолетние друзья шумно побежали вниз по лестнице. Арина закрыла дверь. Родион прижался к отцу и на этот раз обнял его.

– Папка! Настоящий папка! У меня теперь есть настоящий папка.

Арина смотрела на брата и не знала, как реагировать на все происходящее. Она сообразила, что инициатива была ей потеряна. Но одно она точно поняла: она никогда не видела Родиона настолько счастливым. Ей хотелось плакать, но она сдержалась, ведь мама с детства учила ее не показывать окружающим свою слабость.

Собака бегала вокруг них, виляя хвостом. Не выдержав радости, послушный и воспитанный Рэй пробежал в комнату, дал по ней круг почета, после чего лег на передние лапы, подняв зад кверху и приглашая всех присутствующих от души побеситься. Но это произвело совершенно обратный эффект. И Арина, и Родион были шокированы таким поведением собаки.

– Ах ты! А ну фу! Ты куда с грязными лапами!

Пристыженный пес, слегка поджав хвост, поплелся в коридор на свое место, которое служило ему как раз для таких случаев. Хвост его, хоть и был опущен вниз, продолжал радостно ходить из стороны в сторону, как маятник старинных часов, хлопая Рэя по ляжкам.

Арина пошла за ведром и тряпкой, чтобы вытереть собаке лапы, а папу попросила пропылесосить в комнате, на что он с удовольствием согласился.

Зайдя в комнату первый раз с момента своего возвращения, Макар попытался найти в ней следы прошлой жизни. Он тщетно искал по углам и полкам – вдруг попадетса хоть что-то знакомое, за что может зацепиться память и сделать

так, что чувство родного дома ворвется к нему в сердце и медленно затопит все его существо. Но он ничего не находил. Ни фото, ни какой-нибудь дурацкой ненужной статуэтки, предназначенной для сбора пыли, ни книг, ни посуды, ни предметов быта – ничего старого не осталось. Настоящая трагедия для души и памяти! Даже новую мебель как будто специально поставили по-другому.

Впрочем, Макар не мог не отметить, что в квартире все гораздо богаче, чем было в те времена, когда он здесь жил. Хорошие обои, хорошая мебель, большой телевизор. Дорогие вещи. И все – непременно большие. И хотя он такую красоту видел первый раз в жизни, чего-то во всем этом не хватало. Какие-то эти вещи были... пустые. Как будто чем больше вещь, тем меньше в ней души. Или чем дороже. Ведь никто не станет сегодня утверждать, что, к примеру, аудиосистема – это домашняя любимица. А раньше с магнитофоном могли разговаривать, как с живым, а видеоплеер вообще был почти полноправным членом семьи и собирал вокруг себя раз в неделю половину подъезда. Это были времена, когда вещи вообще не ломались. Просто они имели характер. И если не было настроения, кассета могла быть зажевана, а пленка порвана и испорчена. Не потому, что техника уже барахлила, – такое не могло прийти в голову никому. Значит, вот такой сегодня день.

Макар еще раз отметил про себя, что, несмотря на потерю хотя бы единственной ниточки, связывающей эту... это

жилье с ним, он рад. Рад, что его жильцы не бедствуют, не нуждаются, не голодают. Рад, что у них не просто есть все необходимое, а оно для них естественно и... нормально. То, на что когда-то они даже не начинали, а только планировали копить со следующего года, то, что было общей целью семей и спланивало их на долгие годы, сегодня просто было. И это, наверное, по-своему хорошо.

После уборки они снова пили чай. Родион все больше и больше тянулся к отцу, о котором он всегда мечтал. Только он один знал, что на Новый год просил у Деда Мороза не новую игрушку – это было лишь прикрытие. Он хотел, чтоб у него был настоящий папа, который сможет за него заступиться, защитить и научить его тем священным мужским вещам, которым учат отцы своих сыновей и которые были так ему нужны, но недоступны ни маме, ни Арине. Кажется, его увлекал даже не сам папа. Его завораживало чудо, которое произошло. Разве сможет его теперь кто-нибудь когда-нибудь переубедить, что волшебства не бывает? Все-таки сколько же чудес случается летом!

В двери раздалась щелчка замка, в котором поворачивали ключ. Женя вернулась с работы немного раньше обычного.

Когда Женя открыла дверь, к ней, как обычно, тут же бросился Рэй. Но сегодня она не уделила псу должного внимания. Напротив нее стояли дети и... муж? Бывший муж? В эту секунду она решила не придавать значения точности формулировок и позже назвать все своими именами. «Вот это на-

чалось лето. Только первые дни, а уже такая жара», – подумала она. Несколько секунд она молча смотрела то на Макара, то на детей.

– Ариша, Родя... все нормально?

Родион посмотрел сначала на маму, потом на папу. Он не понимал, почему они оба не радуются такой долгожданной встрече. Арина тоже вела себя настороженно. Он решил, что пришло время, наконец, показать, кто тут главный, и взять инициативу в свои руки.

– Мам, папка вернулся! – Родион побежал обнимать мать.

Он смотрел на нее снизу-вверх и тянул за руку, как делают маленькие дети, когда хотят что-то получить от родителей.

– А где папа будет спать? Мам? А можно мы с ним сегодня фильм посмотрим про пришельцев?

– Сынок, давай мы потом это решим, ладно? С вами точно все хорошо?

Женя еще раз осмотрела детей тщательным рентгеновским зрением матери.

Никакой напряженной ситуации не было – ее создавала она сама. Есть такие женщины, которые очень умело, просто мастерски владеют этим искусством. И еще они умеют так заряжать атмосферу своими электронами, что в этот момент встает вопрос о пересмотре патента на катушку Теслы. Женя была как раз из таких. Вернее, стала такой со временем и благодаря окружению. Поднимать панику – любимое занятие простодушных истеричек и бытовых манипуляторов.

Но не в этот раз. Макар уверенно смотрел на Женю и слегка улыбался в своей невозмутимой, раньше так хорошо знакомой Жене манере.

– Ты уже спрашивала. Неужели ты думаешь, что я мог с ними что-то сделать? Ну удивила, мать. Это сюрприз еще по-серьезней моего.

Женя истерично хихикнула.

– Просто мне на работу позвонили соседи, говорят... Сам понимаешь, я сразу же домой. Все-таки мало ли. Сейчас время такое, все, что угодно, может произойти.

– Время меняется, а ты нет. Ну давай их самих спросим. Я вам сделал что-то плохое?

Родион тут же кинулся к отцу.

– Нет, папка. Ты что? Папка, папка!

Родю все еще не оставляло воодушевление от случившегося. Наверное, ему казалось, что если почаще утверждать факт наличия отца вслух, это точно окажется правдой (а то мало ли), и папа определенно больше никуда не денется. Женя смотрела на Арину в ожидании более адекватного ответа, и не получив его в течение нескольких мгновений, сделала лицом вопросительный жест.

– Мам, ну прекрати. Ты ж видишь, что все хорошо. Он не террорист и не собирается нас похищать. И ничего другого не собирается.

– Собираюсь! – перебил ее Макар. – Я буду вас любить.

– Ура! – закричал Родион. – Круто! Круто! Круто!

Женя выдохнула.

– Дети, идите погуляйте. Погода хорошая. Нам с вашим папой надо поговорить.

Арина четко поняла эту «просьбу» и буквально вытолкала брата за дверь – тот даже не успел как следует надеть второй кроссовок. Дверь за ними закрылась, и Рэй издал возмущенный стон. Он не понимал, почему на него до сих пор никто не обратил внимания. Женя наклонилась и потрепала пса по голове. Но он уже не горел желанием вилять хвостом и, слегка обиженный, отправился по своим домашним делам. Женя подняла глаза, и Макар оказался перед ней неожиданно близко. Внутри она даже вздрогнула и немного испугалась, но виду не подала. Макар протянул ей руки для объятий.

– Ну привет!

Женя осторожно подалась вперед и слегка приобняла его, как делают люди, для которых эти объятия не особенно-то интересны. Ведь искренние объятия могут быть какими угодно: сильными, нежными, страстными, грубыми, долгими, усталыми, размашистыми, веселыми, наглыми, очищающими, робкими и даже дежурно-приветственными. Но только не нежелательными. Это противоречит самой сути этого процесса, его естеству и цели, ради которой он был выдуман и создан. Если обнимать человека неправильно, объятия лишаются волшебной силы, получение которой – и есть их цель. Неискренние объятия – это настоящее предательство.

Макар держал ее довольно долго. Только сейчас он, наконец, ощутил это чувство. Он дома! Вот он где, его дом. Его не спрячешь за новыми обоями, дорогой бытовой техникой и перестановкой мебели. Он тут, Макар не ошибся квартирой. И сейчас он это почувствовал.

Женя уже просто стояла, отпустив руки вниз, и немного раздраженно ждала, пока Макар устанет ее так держать. «Чего он прилип-то? С другой стороны, не отталкивать же его». Она не знала, что в тот момент, если б с ним заключили пари, сможет ли он это делать до конца жизни, он бы уверенно выиграл. Но Женя все-таки уже устала.

– Ааа... я бы переделалась, – очень дружелюбно сказала она, разрушив идеальное состояние Макара и обозначив границу между ними.

Границу, которая возникла давно и теперь уже окрепла и надежно охранялась.

– Да, конечно.

Макар отпустил ее из объятий.

Женя тут же выскользнула из рук Макара, быстро взяла одежду из шкафа и скрылась в ванной, заперев дверь на защелку. Не прошло и секунды, как она включила мощный напор воды. Какое-то время ей срочно надо было побыть одной и собраться с мыслями, смыв растерянность от ситуации.

Через полчаса они уже сидели на кухне, где Макар вел себя, конечно, не по-хозяйски, но как хорошо освоившийся гость.

– Ты есть не будешь, что ли? Там суп, наверное, еще горячий.

– Нет, нет, я не хочу. – Женя сразу решила перейти к делу. – Макар, понимаешь... Тебя так давно не было. В нашей жизни многое изменилось, и...

Макар хотел накрыть ее руку своей, но в последний момент понял, что именно сейчас это будет совсем неуместным жестом и может только оттолкнуть Женю еще дальше.

– Я понимаю. Ты расслабься. Я ж не дурак – десять лет дома не был.

Женя согласно покивала головой – слава Богу, одной проблемой меньше. Это, с одной стороны, немного облегчало ситуацию. Хотя, с другой, вгоняло ее в еще более темный лес. Сидящий перед ней Макар, спокойный, уверенный в себе и рассудительный взрослый мужчина сейчас больше походил на мудреца, чем на того Макара – ее мужа, который пропал. Не всегда сдержанный, порой очень грубый, а порой невероятно ранимый из-за пустяков, простодушный и прямой водитель автобуса, Макар бывал резок на словцо, мог начать задираться и язвить, но был на все сто прост и насквозь прозрачен. Обычный парень с обычными желаниями. А сейчас перед ней сидел человек, явно переживший что-то очень серьезное, внутренне изменившее его до неузнаваемости. Седина была тому подтверждением. Что же такого могло произойти, что из нагловатого, пусть и хорошего, провинциального со всеми вытекающими парня получился... умудрен-

ный старик.

Женя подняла на Макара глаза. Ее взгляд был жестким и требовательным. Таким взглядом сегодня обладают многие начальники. Он уже с претензией, хотя ты еще ничего не сделал (хотя это тоже вполне может сойти за повод для претензии). Макар посмотрел ей в глаза своим новым, мягким и глубоким взглядом. Это несколько смутило Женю, потому что на свои резкие визуальные выстрелы она привыкла получать соответствующие ответы, но никак не доброту и тепло. Она на мгновение смягчилась, но вдруг поняла, что это тоже может быть ловушкой, хитрым ходом, и надела привычную и комфортную маску обратно. В этот момент Макар точно понял, что это уже совсем не та его Женя. Да, у нее были прихоти и капризы, как у многих закомплексованных женщин. Она тоже хотела хорошей и обеспеченной жизни, о которой мечтают все бедняки, а получив достаточно еды и крышу над головой, продолжают мечтать бедняки духовные. Но теперь изменения коснулись самых глубин. Возможно, то, что произошло, и можно будет исправить, но точно не таблетками и мазями, а только хирургическим путем.

– Макар, что произошло? Где ты был так долго?

– Я не могу сказать. Еще не пришло время. Потерпи, пожалуйста, немножко. Скоро все узнаешь. Когда будет можно.

Женя смотрела на Макара если не с открытым ртом, то уж точно с широко распахнутыми глазами. И все равно она не могла поверить ни собственным глазам, ни тем более ушам.

– Ты... что? Ты это серьезно сейчас? Тебя не было десять долбанных лет, и ты не можешь сказать, почему?

Женя не просто была шокирована ответом. Ей казалось, что Макар над ней жестоко издевается. Если бы это сейчас происходило не с ней, то вполне могло бы сойти даже за розыгрыш в стиле «скрытая камера» – настолько происходящее выходило для нее за все придуманные рамки.

– Я правда не могу. Время...

– Время?! – Женя не выдержала. – То есть десять лет – это не время, Макар? Нужно еще подождать? Лет сто? Пока придет какое-то там время, когда будет можно? Макар, объясни мне прямо сейчас, что с тобой было?

– Это не получится объяснить. Ты просто не сможешь в это поверить. Ты пока просто не готова.

Макар, в свою очередь, никак не ожидал такой реакции Жени. Будучи изрядно потрепанным жизнью и заплатив за такую науку мудрости очень дорогую цену, никаких душевных расспросов о том, что с ним случилось, не было ли ему все это время плохо, больно, одиноко, страшно, хорошо ли у него со здоровьем, и через что пришлось пройти, он, конечно, не ждал. Хотя, оставаясь, не смотря на все, что с ним произошло, человеком добрым и в чем-то даже романтичным, в глубине души немножко надеялся. Но такое агрессивное нападение со стороны Жени было для него если не неожиданностью, то самым последним, на что он, по его мнению, мог рассчитывать. Насколько он сумел изучить и понять людей,

у Жени есть четко сформулированное и доказанное самой себе понимание его вины и справедливое с ее точки зрения чувство глубочайшей обиды. И он не ошибался.

– Ты же ушел от нас, да? Просто взял и бросил? А теперь нагулялся...

А дальше произошло то, что Женя точно никак не могла ожидать, потому что в мире, в котором она жила, так не поступают. Макар опустился к ее ногам, взял ее руки в свои, и, смотря ей прямо в глаза, произнес:

– Поверь мне, я бы никогда вас не бросил.

Это был не умоляющий жест и не жест унижения. Видя находившегося на полу у ее ног Макара, Женя ощущала, что он сейчас гораздо выше ее с психологической точки зрения. Более того, его уверенный взгляд и абсолютно спокойный тон не оставлял ей никаких шансов на продолжение конфликта. Она была не просто повержена со своими дешевыми дилетантскими приемами из книг серии «Как стать лидером за две недели» или «Будь шакалом – ешь слабых». Она была раздавлена и распылена в пространстве на самые мельчайшие частицы. По крайней мере, ее сознание. И ей потребовалось некоторое время, чтобы хотя бы просто вернуться в ту реальность, откуда ее только что вышибли. Конфликтовать дальше она не могла.

– Макар, понимаешь, тебя долго не было, и... а нам... мне деньги были нужны одно время. Машина на тебя была оформлена, и чтобы ее продать, пришлось... В общем, по

документам ты уже почти пять лет как умер. Это все по закону, я через юриста оформляла, и все можно восстановить. Мне говорили, что это не проблема.

Макар засмеялся. Ему было весело от того, что сейчас он узнал. Женя, увидев его реакцию, почувствовала, что определенный моральный груз с ее плеч упал, и ее настроение тоже улучшилось. Она даже улыбнулась.

«Значит, умер, – подумал про себя Макар. – Если бы ты знала, насколько точны твои документы».

– Ладно, я пойду, – сказал Макар. – Мне нужно еще найти, где переночевать.

– Подожди.

Опять далекая вспышка надежды, и опять она гаснет, не успев зажечься.

Женя ушла с кухни, а через секунду вернулась и положила на стол ключи от квартиры родителей Макара.

– Они недолго держались. Ждали тебя. Мама каждый день плакала, и через год ее не стало. Вся вышла, как твой отец сказал. А сам он после нее еще два года прожил. Если это можно жизнью назвать. Оба ушли очень быстро. Не мучились. Физически, конечно, я про это. Папа вообще с нами был вечером, веселился даже. Я обрадовалась, думала, смирился, надо ж жить как-то дальше. А он домой пошел спать, и все. Я только потом поняла, что это он прощаться приходил. Хотел, наверное, чтоб его таким запомнили – веселым, шутливым. Хотя, может, мне так кажется, и это просто ужас-

ное совпадение. Мы в квартире ничего особо не трогали, вещи только мамины раздали, но это еще когда папа был. А, и телек их я продала. Мы вообще подремонтировать хотели квартиру и сдавать, но раз так... Она на Аришку оформлена, но если надо...

– Не надо. Спасибо.

– Я объясню, где их могила, если хочешь. Мы их вместе похоронили. Хотя последние два года своей жизни папа, считай, и так там провел.

– Потом.

Макар встал из-за стола.

– Спасибо тебе за все. Я суп поел, и сардельки. Очень вкусно было. И за ключи спасибо.

– Так давай я тебе поесть с собой соберу. Там же пустой холодильник.

Женя резко встала со стула. Правда это был не столько актом вежливости, сколько желанием, чтобы Макар побыстрее ушел. Ей было очень не по себе в его обществе. Да еще и этот новый Макар хоть был и странно хорошим, или хорошо странным – она еще не решила, – но явно чужим для нее человеком.

Макар взял ее за плечи и усадил обратно.

– Не беспокойся. У меня все в порядке. И еды у меня достаточно.

– Какой еды? Откуда у тебя...

– Все хорошо!

Макар еще раз посмотрел на Женю, развернулся и ушел. А она так и осталась сидеть, пока не закрылась дверь. И после этого она еще долго не сходила с места, пытаясь усвоить и переработать всю информацию, которая к ней поступила за сегодняшний день.

Зайдя в квартиру родителей, Макар почувствовал, как сжалось его сердце. В каждой из трех комнат было несколько рамок с его фотографиями разных лет. Только сейчас он впервые по-настоящему понял и даже почувствовал, что такое родительская любовь. И как легко ее не заметить, находясь с ней бок о бок. Истинно, большое видится на расстоянии. А огромное – на огромном расстоянии, измеряемом не только километрами и годами, но целыми человеческими жизнями.

Долгое время он скитался из комнаты в комнату этого старого, но такого уютного и сделанного с душой храма воспоминаний о себе, и думал-думал-думал. Думал и вспоминал. О том, что с ним произошло, что его жизнь могла бы сложиться совсем по-другому. Нормально, как у всех. Что мама и папа могли бы быть живы, и он еще смог бы их увидеть, хотя бы даже и в последний раз. Он думал, было ли случайностью, что все это произошло именно с ним. Но больше всего он думал о том, что суп, который готовила мама, был самым вкусным. И как он никогда больше не попробует этого вкуса, так никогда больше не будет прежнего Макара и обычной

человеческой жизни, которая закончилась той ночью десять лет назад. Но будет жизнь другая. Даже если не у него, то у его детей. И кое-что он может для этого сделать. А раз может – сделает. Эту черту характера в Макаре ничто не поменяло.

Среди множества своих фотографий в рамках он нашел одну единственную не свою. На ней папа и мама были вместе, и сделана она была, конечно, до того, как он пропал. Еще довольно молодые, они были полны жизни и самых простых, маленьких человеческих надежд. Что у сына в жизни все получится. Что их внуки будут здоровы и счастливы. Что они если не в следующем году, то через год обязательно съездят на море. Что на работе дадут премию, а, возможно, с Нового года немного поднимут зарплату. Что в стране, их стране, все наладится. Что все обязательно будет хорошо.

Макар взял стул и поставил его напротив старого дивана. На нем он размесил фото родителей. Он сидел на диване и долго смотрел на него, пока не уснул, прямо так, сидя и с не выключенным светом. Так он и проспал всю ночь. Он теперь всегда избегал полной темноты, и в помещениях в темное время суток никогда не выключал свет.

3

Лето продолжало радовать людей теплом и надеждами. Новый день был таким же безоблачным, как и предыдущий. Более того, прогноз погоды обещал, что все лето будет именно таким – теплым, светлым и ясным. По телевизору уверяли, что это лето запомнят надолго – его называли аномальным. И с этим трудно было поспорить.

Арина гуляла со своей подругой. Теперь у них было много свободного времени, чтобы обсудить кучу важных дел. Они шли по улице, легко одетые, и говорили о том, о чем говорят все тринадцатилетние девочки. И хотя недавно жизнь Арины кардинальным образом изменилась, так просто все взять и бросить она не могла. Ведь она тоже ждала этого лета очень долго. Пожалуй, ее первого по-настоящему взрослого лета.

Позади них, на расстоянии, не позволяющем его заметить, шел Макар. Он то и дело умело маскировался, когда девочкам было необходимо остановиться, посмотреть на какую-нибудь витрину или просто обернуться на прохожего, чтобы иронично отметить его персональные достоинства или лучше разглядеть какую-нибудь деталь – например, новые летние туфли. В эти моменты Макар тоже прибегал к помощи витрин, дверей небольших магазинчиков, расположенных в домах на первых этажах или в специально созданных для этого постройках – длинных вагоноподобных соору-

жениях с крышами в виде теремов или скошенным скатом. Большинство из этих конструкций были, по сути, огромными киосками с возможностью входа внутрь. Но некоторые являли прямо чудеса провинциальной архитектуры, и своей уникальной формой и внешним видом скорее походили на пришельцев прямиком из странных фантазий студентов строительных техникумов, которые, несмотря на то, что строят магазин, пытались вдохнуть в него какую-то отвлеченную дизайнерскую мысль, строго руководствуясь своими далеко не общепринятыми представлениями о прекрасном.

Неожиданно Арина с подругой остановились возле киоска с мороженым. Их привлекла яркая реклама нового лакомства, заполненного, помимо пломбира, разными вкусными шариками, шоколадом и прочими добавками. Все-таки, несмотря на свою якобы взрослость, они еще продолжали оставаться детьми. Эта остановка была настолько резкой и внезапной для Макара, что ему просто негде было спрятаться, и он бегом бросился за угол ближайшего дома. И был замечен. Он аккуратно выглянул из-за угла, но Арины с подругой уже не было. Он постоял так какое-то время и решил сделать первый шаг на улицу. Он думал, что дочь заметила его, и могла либо убежать, либо спрятаться за киоском. Он не понимал, зачем, но понял, что она намеренно куда-то скрылась. Он сделал еще один шаг.

– Ты что, следишь за мной? – голос раздался прямо из-за спины Макара.

Это было для него настолько неожиданно, что он вздрогнул. А затем развернулся и увидел рассерженную дочь.

– Я? Нет! Я просто случайно тебя увидел и подумал, что мы могли бы пообщаться, когда ты закончишь свои дела, – попытался оправдаться Макар.

– Это не нормально! – Арина злилась еще больше. – Зачем ты ходишь следом?

Подруга Арины стояла позади нее на расстоянии, с которого вряд ли можно было услышать разговор, и изображала тактичную безучастность. На самом деле ей было безумно интересно, что там происходит – подобные события случаются нечасто, а в их городе и вовсе не происходили никогда. Такое она могли видеть только в кино, и теперь старалась не упустить свой шанс сыграть хотя бы роль второго плана, хоть как-то прикоснуться к той истории, пусть и наблюдая за событиями со стороны, зато самой первой и лично. Макар бросил на нее взгляд, и она поспешно отвернулась, сделав самое равнодушное выражение лица.

– Я просто хотел... видеть тебя. Посмотреть, как ты живешь.

Но Арина уже была настроена на совершенно другое развитие событий.

– Это правда, что ты бросил нас ради другой бабы?

Для Макара этот вопрос был большой неожиданностью. Умеют же женщины менять темы разговора резко и без каких-либо предпосылок! «Неужели, это Женя ее так накру-

тила?»

И да, и нет. Тут все было сложнее. Здесь поработал целый ряд источников, включая одноклассников, друзей, а точнее, их родителей, друзей друзей, соседей, бабушек со двора и других opinion-мейкеров, мнение которых при должном его изложении в правильно смоделированной ситуации (например, как бы невзначай произнесенное в спину адресату) так важно для детей и подростков.

– Кто тебе это сказал? Как ты могла такое подумать вообще?

– Тогда где ты был?

Арина требовательно смотрела на Макара. Он вздохнул и опустил глаза.

– Понятно, – тут же заключила Арина.

Она развернулась и пошла к подруге. Макар схватил ее за руку. Арина тут же попробовала вырвать руку, но хват Макара был крепким. Правда, был он таковым сам по себе, без какого-либо целенаправленного намерения таким образом удерживать дочь. Желание было лишь остановить.

– Пусти, мне больно!

В ход пошел один из самых примитивных приемов манипуляции – заставить человека чувствовать вину там, где ее нет, намеренно преувеличив причиняемые страдания, попытка опровержения физического вреда от которых незамедлительно приведет к имитации гигантского морального ущерба.

Макар разжал руку. Арина наигранно скривилась якобы от боли и обиды и потеряла прихваченное отцом место. Это завело ее еще больше. Теперь инициативой уже точно владела она.

– Извини, пожалуйста, – попытался обойти Макар неожиданно возникшее препятствие.

– Скажи честно, зачем ты вернулся? Тебе что-то надо от нас?

– Подожди, дочка. Зачем ты так? Все же было нормально. Тебе мама что-то сказала?

– Нет, – Арина немного растерялась, понимая, что ненароком может подставить мать.

– Понимаю, ты обижена на меня. Я виноват...

– А ты как думал? – Арина быстро вышла из положения. – Пропадаешь, потом появляешься, как ни в чем не бывало, ничего не рассказываешь. Знаешь, каково мне было?

– Давай мы с тобой сейчас пойдем куда-нибудь и поговорим.

– Нет уж! У меня свои планы и свои дела. И пожалуйста, больше никогда не следи за мной. Это... это отвратительно!

– Ну прости меня, сглупил. Я не собирался следить. Просто увидел, какая ты у меня красивая, шел и любовался тобой.

– Давай в другой раз увидимся, хорошо? Я знаю, где ты живешь, и как тебя найти. У меня тоже есть своя жизнь, и не надо в нее лезть без разрешения. Это неправильно! У меня

дела, правда.

– Завтра? – попытался уточнить Макар.

– Как получится. В другой раз. Мне надо срочно идти. Все, пока!

Арина повернулась и пошла к подруге. Та спросила ее о чем-то, но Арина огрызнулась, и они обе замолчали. Вмести они, не оборачиваясь, так молча и ушли. Макар смотрел им вслед.

– Спасибо за честность, – сказал Макар вслух, адресуя слова ушедшей дочери. – Своя жизнь... Какая все-таки ты взрослая стала.

Макар решил зайти в магазин и купить немного продуктов – ведь дома у него было совсем пусто. Заодно можно было переключиться с мысли о не самом приятном в его жизни общении. Деньги у него были, и он даже мог, например, позволить себе пообедать в кафе, но ему сейчас совсем не хотелось «выходить в люди». Нужно было успокоиться, собраться и выдохнуть. Ведь он еще планировал увидеть Родиона, хотя уже стал задумываться, чтобы перенести это на завтра.

Он подходил к дому с двумя пакетами. Возле его подъезда стояли в ожидании пять человек. Макар посмотрел на них и почувствовал что-то неладное – они точно ждали его. Подойдя немного ближе, он увидел, что один из людей что-то сказал другому, и тот стал доставать из лежавшего на земле кофра... телевизионную камеру.

В небольшом провинциальном городе было три газеты: как обычно, «Новости», «Вести» и «Правда». Не хватало еще «Курьера», но до таких масштабов Калинов еще не дорос. Зато вполне мог позволить себе один телеканал, который выходил, как это часто бывает, на частоте одного из федеральных, резко прерывая его эфир в вечернее время.

Вся региональная пресса имела две отличительные особенности – хорошую и плохую. Хорошая состояла в том, что делалась она искренне, ответственно и с душой. В отличие от изданий крупных городов, где работал бесперебойный конвейер, выпускающий бездушную печать как средство заработка огромных денег, в маленьких городах случайных людей в СМИ не попадало. Там были те, которые верили и хотели. Верили, что их работа по-настоящему важна, и они делают нужное всем дело. И хотели делать его хорошо и искренне старались, в меру своих возможностей и понимания. И люди это чувствовали. Они могли хранить газеты месяцами в специальных столиках. Некоторые, особо интересные выпуски, оставались в жизни людей навсегда. А попасть в местную газету для жителя такого города было почти также значимо, как если бы его показали по главному телеканалу страны. Такие издания становились настоящими семейными реликвиями и могли передаваться из поколения в поколение.

А вот плохая особенность, причем, в первую очередь, для самих изданий, заключалась в том, что им категориче-

ски не хватало новостей. Значимые и интересные события в небольших городах происходили не часто, и любая мельчайшая новость иногда раздувалась до целых полос. Особенно, если это касалось интересных горожан. Заслуженной популярностью и признанием пользовались большие очерки о жизни конкретных людей, рассказы об их непростых или, наоборот, иногда каких-то странно смешных судьбах. Именно они создавали местных знаменитостей и героев, а иногда просто давали горожанам получше познакомиться с их земляками. Участникам таких очерков был обеспечен месяц интересной жизни – возможность начать любой личный или телефонный разговор со слов «А про меня тут в газете написали...»

Разумеется, пропустить новость такого неслыханного масштаба, как неожиданное возвращение десять лет назад пропавшего Макара, ни одно издание не могло. Более того, размеренный темп работы их корреспондентов в данном случае пришлось забыть и, возможно, впервые в жизни (кому-то из них уж точно) бежать в самую гущу событий и вести настоящее журналистское дежурство. Для них всех такое приключение имело ценность само по себе, независимо от того, о чем конкретно им предстояло делать материал. Такие резкие срывы с места, которые так часто, если не ежедневно, бывают в прессе больших городов, так редки в городах маленьких, и за свою редкость очень ценятся. К этому стоит добавить, что вся редакция с нетерпением ждала горячего

материала, как любимого ребенка после долгих лет разлуки, или, скорее, как праздничного волшебника, мешок которого полон сюрпризов.

Но Макар, конечно, всего этого не знал. Он очень насто-роженно шел, понимая, что его сейчас ожидает что-то, с чем он пока еще в своей жизни не сталкивался. Хотя сталкивал-ся в своей жизни он много с чем. Журналисты, как голод-ные собаки, набросились на Макара, и все это снималось на камеру и созерцалось не менее любопытными соседями из окон их квартир.

– Скажите, где вы были все это время?

– Почему вы не выходили на связь с семьей?

– Вы вернулись насовсем, или снова пропадете?

– Как долго вы пробудете дома?

– Вы вернулись с какой-то целью, или просто так?

– Расскажите, как именно вы исчезли в ту ночь?

Вопросы сыпались, как зерна с элеватора. И даже если бы Макар захотел кому-то ответить, он бы физически не смог этого сделать. Хоть он и не был экспертом по работе средств массовой информации, но понимал, что журналистам не хват-ает чуточку профессионализма. Наконец, они выплеснули на него все что, что было внутри, как разогретая на солнце и тщательно взболтанная бутылка газировки. Макар опустил на землю пакеты и молча стоял и смотрел, чем же закончит-ся вся эта сцена, как будто вовсе и не участвовал в ней, на-блюдая со стороны. Журналисты переводили дух. Наконец

один из них, самый нетерпеливый, решил напомнить о своем существовании.

– Макар, вы вообще нас слышите?

– Я-то вас слышу и вижу хорошо, но вообще не могу понять, что тут происходит.

– Вы нам интервью дадите? – вступила молодая женщина из другой газеты.

– Всем? Сейчас?

– Ну почему сразу сейчас и всем, – заговорил представитель телеканала. Давайте мы снимем лайв, а с редакциями потом уже назначите время и встретитесь.

– Ага! – опять подключился первый мужчина. Я тут вообще-то первый был. Давайте-ка уж мы побеседует для начала, у нас номер раньше всех на день выходит.

Дальше происходило примерно то же самое, что и пять минут назад, только теперь Макар перестал быть объектом приложения усилий, и переброска репликами велась корреспондентами между собой. Дольше всех молчала пожилая представительница самой старой городской газеты. Ее интеллигентный облик и статус ветерана местной прессы не позволяли ей принимать участия в подобного рода схватках. Однако она периодически пыталась вставить хоть слово и успокоить собравшихся, призывая их все-таки обратить внимание на Макара.

Журналисты снова пришли в себя и вернулись из своих персональных галактик с собственными представлениями о

том, как все должно быть, к подъезду провинциального дома. Макар смотрел на них и сам уже с неподдельным интересом ждал, чем же все закончится. Они немного передохнули и снова были готовы побросаться вопросами в Макара.

– Так!

Макар понял, что инициативу нужно брать в свои руки. Тем более, у страха глаза были велики, а противник оказался не таким серьезным, как казался издали.

– Никаких интервью я давать никому не буду, это раз. И предупреждаю: если вы хоть на километр приблизитесь к моей семье – жене или кому-то из детей, – я очень сильно рассержусь, и мы поговорим с вами совсем по-другому.

Шустрый журналист, кажется, воспринял это предостережение, как отличную идею. Его глаза загорелись, и Макар это заметил. Он посмотрел на журналиста, и в мгновение его теплый взгляд добряка-мудреца стал ледяным и настолько суровым, что нагловатый репортер, казалось, кожей ощутил непередаваемый словами животный страх, настоящую опасность, которая нависла над ним. Как будто холод смотревших на него глаз переполз на землю, а оттуда, как липкая бесформенная амеба, прямо от пяток поднялся до затылка, и проглотил его сверху целиком. Он смотрел в источник этого холода и видел там тьму и смерть. Столкновение именно с такой позицией – человека не агрессивного, не пышущего самоуверенностью и показным превосходством, не кричащего, чтобы раззадорить себя, но владеющего ледяным спокой-

ствием самых жутких северных холодов и, главное, готового пойти до самого конца, – и заставляет людей моментально сбавить обороты и обратно приземлиться.

– Ты меня услышал? – удостоверился Макар, чтобы задокументировать эту договоренность.

– Услышал, – ответил журналист.

– Отлично.

Взгляд Макара снова вернулся в нормальное состояние. Все стояли молча. Нарушил тишину представитель телеканала.

– И все-таки скажите, почему вы не хотите дать интервью?

– Потому что мне нечего вам сказать, – ответил Макар.

– Как же нечего, – заговорила молодая репортерша. – Ваша история будет всем очень интересна. Весь город, и мы тоже, переживали за вас. Нам бы очень хотелось узнать, как вам жилось все это время, все ли у вас хорошо сейчас?

– У меня все хорошо.

– Но, может быть, вы все-таки согласитесь пообщаться с представителями редакций, – продолжала девушка, – или можно сделать одну пресс-конференцию, чтобы вас несколько раз...

– Вот только давайте без этого, хорошо?

Макар стоял несколько секунд в нерешительности.

– Ладно, я дам всем вам интервью...

Среди журналистов пошел гул, они здорово обрадовались.

– ... Но не сегодня. И не завтра, – продолжил Макар.

Журналисты опять сникли. Сегодня они попрыгали не только по разбитым городским дорогам, мчась сюда, но и по эмоциональным горкам, которые им устраивал теперь уже точно самый желанный герой их пленок и полос.

– Вы мне оставите свои телефоны, и как только я буду готов, я сам с вами свяжусь и поговорю.

– Ну хоть так – и то хлеб, – заметил представитель телеканала.

Они принялись протягивать Макару фирменные визитки с номерами своих редакций и написанными на них от руки фамилиями.

– Можно хоть заметку дать о том, что вы вернулись? – спросил шустрый журналист. – Коротенькую, две строчки.

Он должен был хоть как-то отыграть свои позиции, чтобы не уходить с разгромным поражением, и немного восстановить репутацию в глазах коллег, как и собственную самооценку.

– Заметки и статьи свои можете писать сколько угодно, – одобрил Макар. – Но для вопросов, точнее, для ответов, время еще не пришло.

– А новость по телеку? – спросил корреспондент с канала.

– Да можно, можно.

Журналисты стали расходиться, осталась только пожилая представительница самого старого в городе СМИ. Она была намного старше газеты, в которой работала, да что там – всех городских газет. Возможно, как шутили ее коллеги, даже ес-

ли возраст этих газет сложить друг с другом. Ее опыту мог позавидовать любой местный журналист, и именно ее статьи так любил читать весь город.

– Вы что-то хотели? – спросил Макар.

– Обязательно позвоните лично мне, я вам помогу подготовиться к интервью. Когда, как вы сказали, время придет.

Она протянула Макару свою визитку. На ней, единственной из всех, фамилия, должность и персональный телефон были отпечатаны типографским способом. Макар покрутил визитку в руках, сунул в карман и поднял с земли развалившиеся пакеты с продуктами.

– Хорошо, договорились.

4

Женя держала в городе два магазина – одежды и обуви. Начав торговать на рынке после внезапной пропажи Макара, еще будучи учительницей в школе, она постепенно оставила свою первую профессию ради большего заработка. Рассуждала практичная Женя так: «Надо торговать тем, что может пригодиться самим». Еда и напитки – очень выгодно (будут брать всегда, несмотря ни на какие кризисы и отсутствие денег, ведь кушать же надо, и как-то переживать тяжелые времена тоже), но рискованно и крайне накладно. Очень много товара улетало в помойку. В маленьком городе обманывать со сроками годности и качеством – самоубийство предпринимателя. Никто и никогда не поверит тебе во второй раз. Одежда – предметы уже не первой, но второй необходимости точно. Жизнь в северных широтах не позволит носить одно и то же круглый год. А иметь в магазине отдел детской одежды выгодно вдвойне. Ведь, во-первых, дети постоянно растут, и родителям приходится каждый год на каждый сезон им что-то новое покупать. А во-вторых, выкидывать этот товар уж точно не придется – свои всегда будут одеты и обуты.

Начав торговать на рынке именно одеждой, Женя решила продолжать развивать свое маленькое дело. Накопив определенную сумму – отсутствие необходимости покупать одежду себе и детям оказалось очень сильным подспорьем – она

смогла арендовать сначала небольшую площадь в маленьком торговом центре, а после открыть свой магазинчик на первом этаже жилого дома, как это делали многие в Калинове. Имея такое обеспечение и квартиру в собственности, взять кредит и открыть второй магазин не составило труда.

Выезжая в Москву за товаром, Женя иногда задерживалась там на день-два и часто задумывалась, насколько жизнь в таком большом городе отличается от их «жизни». И насколько здесь другие люди – красивые, интересные, умные. Так ей тогда казалось, как и многим, кто, впервые попав в крупные города, видит только внешнюю сторону жизни там, как, в первую очередь, бросаются в глаза фасады больших красивых зданий, в нутро которых иногда лучше не соваться. И все приезжающие уверены, что именно их ждет такая жизнь – красивая, успешная и еще неизвестно какая, которую они представляют в своей голове, причем не всегда ясно, но которая на самом деле не имеет никакого отношения к реальности того места, куда они вагонами прибывают. И никакие рассказы о том, что все может пойти не так, как тебе кажется, их, конечно, не могут заставить задуматься. Ведь это рассказы не про них. Их история обязательно сложится хорошо.

Пока никаких окончательных решений Женя для себя не приняла. Но приблизительную цель в голове поставила. Она была не такой наивной, как другие провинциалы, и понимала, что с деньгами хорошо будет везде, а без них, соответ-

ственно, любая сказка вмиг станет бытом. Она начала понемногу откладывать деньги, чтобы иметь возможность впервые выехать с детьми за границу и хоть как-то если уж не себе, то им помочь обеспечить будущее, перебравшись из их родной дыры не на пустое место. Поэтому в одном из магазинов ей приходилось работать самой. Экономия на зарплате продавца – солидная для их семьи ежемесячная сумма в копилку. Тем более, что Арина уже подросла и могла спокойно присматривать за братом.

Родители Жени умерли уже давно. Она была поздним ребенком, а сестра, жившая на другом конце страны, по понятным причинам помогать ей не могла. Когда с ней был Макар, и были живы его родители, будущее не казалось ей такой уж серьезной проблемой, ведь оно ей хотя бы как-то виделось. Сейчас... Зато Женя приобрела очень ценный навык – уметь выкручиваться из любых ситуаций своими силами.

Сегодня был один из самых обычных рабочих дней. И он потихоньку начинал подходить к концу. Женя не могла выкинуть из головы внезапное возвращение Макара, и мысли об этом событии исподтишка съедали часть ее внимания и собранности, мешая полностью сосредоточиться на работе. Она еще раз попыталась взять себя в руки и, пока не было клиентов, определиться с будущим ассортиментом. Она окинула взглядом вешалки – все, как обычно. Женская одежда, мужская одежда, детская одежда висели рядами. Бледное лицо запыхавшейся Арины с выпученными глазами... Ари-

на? Женя только сейчас пришла в себя и поняла, что она даже не заметила, как дочь вошла в магазин. Надо наконец-то придумать обратно отвалившиеся звенелки.

– Мама... – Арина не могла отдышаться.

Женя сообразила, что дочь не просто так прибежала к ней. Внутри нее щелкнул тумблер, запустивший механизм, который управляет самым точным в мире прибором – любящим материнским сердцем – и никогда еще в истории человечества не ошибался. «Что-то случилось», – сообщило Жене внутреннее информационное табло. И сразу стало тревожно.

– Ариша, что стряслось?

– Мам, Роди нигде нет! Не могу его найти уже два часа.

Женя встала со своего стула.

– А за Холынккой, где в прошлый раз они... – произнесла

Женя слова последней надежды.

– Нет, мам!

Арина рассердилась, что ее считают недостаточно взрослой и сообразительной. Это часто очень злило ее: глупые вопросы ей задавали, как ребенку, а вот ответственности требовали никак не на свой возврат.

– Может, он у папы?

– Я там была. У него закрыто. Я стучала и звонила долго.

– Надо было с соседями поговорить, может, они их видели, – вспомнила Женя недавно просмотренный фильм.

Женя внимательно посмотрела на дочь. Руки ее задрожали.

– А что если он его похитил?

– Да что ты такое говоришь! Мне кажется, это перебор. Он бы не стал. Он же не совсем урод конченный...

– Дочка! Дочка! Арина! – Женя кричала параллельно дочери, пытаясь ее переорать.

– Да что?

– Его не было десять лет. Человек может полностью измениться за очень короткий срок, а десять лет – это очень долго. Мы не знаем, где он был и что делал. И самое главное, мы не знаем, зачем он вернулся. Если он пропал тогда, что мешает ему...

Женя даже не стала ни то что договаривать – додумывать эту мысль. Она быстро схватила сумку, и, выталкивая дочку вперед, выбежала из магазина. Она стала ловить на дороге проезжающие автомобили, потом вспомнила, что забыла закрыть магазин, вернулась, взяла внутри ключи, трясущимися руками заперла дверь и выскочила обратно на дорогу. Арина все это время смотрела на мать, пытаясь понять, правда ли это, и до конца все-таки не веря, что такое могло произойти. Но заразное паническое настроение начало передаваться и ей.

Наконец, рядом с ней остановилось проезжающее пустое такси. Женя с Ариной сели в машину на заднее сиденье.

– Вам куда, – поинтересовался таксист.

– У меня, кажется, ребенка украли...

Таксист развернулся к ним и посмотрел на Арину.

– Нет, это дочь, – поспешила объяснить Женя. – А у меня еще есть сын. Мы его найти не можем. Он у нас маленький. Ну то есть он сам большой, но как будто маленький... – от нервов Женя начала тараторить без умолку.

Таксист еще раз исследовал пассажиров сканирующим взглядом, и, используя наработанный годами опыт, диагностировал отсутствие алкогольного опьянения и психических заболеваний в активной фазе. Похоже, и правда беда.

– Это вам в милицию надо!

– Ага, – согласилась Женя.

– А побыстрее можно? – бросила Арина, потому что стояние на месте в такой момент ей не нравилось больше всего.

– Да мы ракетой сейчас долетим!

Таксист сорвался с места. Женя стала рыться в кошельке, чтобы найти деньги.

Пролетев по городу, минуя все возможные правила, водитель резко остановился у отделения милиции. Женя протянула ему деньги. Таксист моментально оценил полученную ему сумму.

– Здесь много.

Он приготовился вернуть назад несколько мелких купюр, но уже совсем нервная Женя выдернула назад все, затем забрала часть денег и протянула обратно оставшиеся.

– Здесь мало, – отчитался таксист.

– Да блин!

Женя опять полезла в сумку.

– Все! Давайте уже идите!

– Но тут же...

– Бегите уже, – настоял таксист. – Сочтемся как-нибудь.

Женя неуверенно вышла из машины, Арина выпрыгнула за ней.

Женя буквально ворвалась в отделение милиции, таща за собой дочь. Дежурный тут же ее остановил.

– Минуточку, девушки! Вы куда это на таких скоростях? – спросил милиционер.

– Ребенка похитили, – закричала Арина вперед мамы.

– Чего? Какого ребенка? Когда?

– Моего ребенка, сына. Ее брата, – уточнила Женя. – Сегодня похитили. Наверное. Помогите, пожалуйста.

Милиционер посмотрел поочередно то на Арину, то на Женю, и понял, что они не шутят.

– Только без истерик. Разберемся сейчас. Пойдемте.

Дежурный открыл им турникет, и сопровождал к следователю.

В кабинете следователя Боброва было не то что неудобно. Тут скорее была особая, рубленая атмосфера и обстановка, настраивающая на фатальность происходящего. Каждое слово тут произносилось не просто так, а за каждый поступок приходилось отвечать. Это было то место, где люди по-настоящему понимали и ценили слово, и всем своим нутром осо-

знавали ответственность за сделанный выбор. Причем откатиться назад или применить любимый способ тысяч людей – самопрощение, – тут как-то не получалось. Сложно вообразить себе безрассудного и отчаянного глупца, который скажет следователю: «Ну, ошибся, с кем ни бывает», «Все мы люди», «Зато теперь я больше не буду» или, прости Господи, «Человек слаб, все мы грешны». Не будешь, не будешь больше. В ближайшее время точно. И ты даже не представляешь, насколько именно человек слаб. Игры за той дверью кончались совсем. Начиналась настоящая взрослая жизнь, которая подчинится одному главному закону во все времена: «сделал – отвечай».

Конечно, бывали исключения. Для следователя это были минуты настоящего общения с людьми, и он должен был не просто общаться, а стать им настоящим другом. Ведь только с друзьями делятся своей бедой. Когда здесь оказывались пострадавшие, потерпевшие и просто сломленные горем люди, у которых украли последние копейки, убили единственного близкого человека или похитили ребенка, понятия о добре и зле, которые так старательно искажал мир за этими дверями, как будто вставляли посреди этого старого кабинета памятником, высеченным из нефрита. Они были настолько детальными, ясными и четкими, что сразу становилось понятно: сегодня следователь опять здесь не зря. И все здесь не зря. И все, что вокруг, тоже не зря. И если не он, то больше никто.

– Еще раз, четко, – тщательно и спокойно проговаривал

Бобров. – Почему вы считаете, что ребенок похищен?

– Я же все рассказала, – по щекам Жени текли слезы. – Его не было десять лет, он вернулся, побывал дома, втерся в доверие. Ребенок... болен, доверился ему. А через несколько дней он пропадает. Хотя раньше никогда не пропадал.

– Понятно, что раньше не пропадал. Если б раньше пропадал, сейчас бы уже не искали, – пошутил следователь.

И только договаривая фразу, он сообразил, что перед ним не его коллега-мужик или какой-нибудь бандит-подозреваемый, а женщина, у которой пропал маленький сын. Не успел переключиться.

Женя подняла на него глаза, полные негодования и страха. Следователь уже все понял. Из глаз Жени потекли настоящие реки, и она опустила голову в руки и зарыдала.

– Вы простите меня. Я не это хотел сказать. Это все работа. Черт бы ее... Я имел в виду, может, основания какие-то есть более весомые так считать. Но нельзя просто вот так взять человека и обвинить, потому что он вернулся, а раньше ничего подобного не происходило. У нас же тут не кино, в конце концов. Мне нужно четко понимать ситуацию. Вдруг он убежал куда-нибудь в другой двор, я не знаю. Сами говорите, что он у вас... Почему сразу похитили?

Арина обняла маму и положила голову ей на спину. Женя начала понемногу успокаиваться и брать себя в руки.

– Товарищ милиционер, – начала Арина. – Я вчера с ним серьезно поругалась. Это можно засчитать?

– Что? – мама подняла глаза на Арину.

– Что? – повторил следователь.

Арина рассказала об их вчерашней встрече с папой. Бобров, не думая ни секунды, снял телефонную трубку.

– Але! Здорово. Ни «чо», а «слушаю вас». Вы на месте? Все в ружье. У нас походу похищение ребенка. Объявить в розыск срочно. Ориентировки зайти составь на обоих. Нет, один ребенок. Второй – батя его. Это он его украл. Тот, который исчезал надолго, а недавно вернулся, помнишь? У меня тут мать. Давай быстрее.

Следователь положил трубку и посмотрел на Арину.

– Что ж ты молчала-то?

Группа задержания вместе с Женей и участковым стояла у двери квартиры Макара. Следователь достал пистолет.

– Всякое бывает, – объяснил он. – Открывайте.

Женя открыла замок вторым ключом, который она предусмотрительно оставила себе. Первым в квартиру вбежал Бобров, за ним – начальник ОМОНа, капитан Веселов, и четверо бойцов. Они быстро осмотрели комнаты и, убедившись, что в квартире никого нет, позвали оставшихся за входной дверью участкового и Женю.

– Тут явно никого ни держали, – сказал Веселов. – Не похоже на первый взгляд.

– Ну мало ли что, надо сделать второй, – сказал следователь.

Он нашел глазами участкового.

– Лейтенант, соседи на тебе. Давай прямо сейчас.

– Есть!

Участковый вышел.

– Криминалиста бы надо вызвать... – вслух рассуждал

Бобров.

– А мне что делать? – спросила Женя.

– Да ничего пока. Присядьте, – ответил ей Веселов.

Он посмотрел на своих бойцов. Эти крупногабаритные живые шкафы пытались втиснуться все вместе в маленький коридор.

– Идите в машину, – приказал Веселов. – Отбой, похоже.

Я выйду сейчас, и поедем.

Женя села на диван. Следователь подошел к ней.

– Может, нам стоит еще что-то знать? – спросил он у Жени.

– Что именно? – не совсем поняла она.

– Не знаю. Что-то, что поможет нам быстрее их найти. Последний раз...

Бобров хотел напомнить, что вот так же неожиданно последний раз Макар пропал на десять лет, но очень вовремя остановился. Мать и так совсем недавно успокоилась, хотя бы внешне.

– Что последний раз? – спросила Женя.

– Не берите в голову, это я о своем. Не помню, когда последний раз у нас ребенка похищали, вот и хочу побольше

зацепок получить.

Женя пожала плечами.

– Да я вроде все сказала.

Она на всякий случай задумалась еще раз.

– Может, он как-то в разговоре случайно упомянул, или что-то специфическое сказал, что могло бы дать понять, где он был? – уточнил Бобров.

Следователь пытался выяснить, что знает Женя о десятилетнем отсутствии бывшего мужа.

– Да нет, в том-то и дело. Эта тема у него как будто под запретом. Время, говорит, не пришло.

– Не дай Бог, теперь оно пришло, – произнес Бобров мысль вслух. – Дочь точно все рассказала? А то потом окажется, что еще чему-нибудь значения не придавала.

– Все, точно. Я ее раз сто переспросила.

Послышались звуки открывающейся двери, затем шаги. В комнату вошла бабушка-соседка.

– Здравствуйте! – поздоровалась она.

Следователь с Женей повернулись к ней.

– Здрасьте! – ответил следователь.

– Добрый день! – широко улыбнувшись, поздоровался Веселов.

Бабушка посмотрела на одетого в полевую форму, с автоматом наперевес, здорового милиционера, явно не раз видавшего жизнь, повернутую к нему не самой своей «рабочей» стороной. Ее охватили сразу два чувства: почтенное

уважение, граничащее с подсознательным страхом, и сладкое предвкушение, что она становилась частью чего-то настолько большого, опасного и интересного, что этим летом ей, возможно, светит быть главной звездой в своем клубе «На скамейке у подъезда», а также в садовом кооперативе. На всякий случай она отшатнулась, кивая головой и улыбаясь.

– Здравствуйте, товарищ начальник.

– Вон начальник.

Веселов слегка указал стволом автомата в сторону Боброва.

– Аааа, – понимающе подтвердила бабушка.

– Здравствуйте! – поздоровалась и Женя.

За спиной соседки появился участковый.

– Здесь ничего. Сами послушайте.

– Вы видели что-нибудь подозрительное, необычное за последние сутки, не слышали никаких странных звуков? – обратился Бобров к старушке.

– Нет, ну я ж говорю: все, как обычно, – ответила бабушка. – Я, правда, днем на огороде была, с утра уехала, поэтому ничего и не видела. Сейчас редиска созрела, в этом году вот такая выросла, еще клубнику надо на днях собирать, я поэтому...

– Откуда ж вы знаете, что все, как обычно, если вас тут не было? – перебил Бобров.

– Нет, ну я не знаю. Просто я говорю, что ничего такого

я не видела и не слышала. Вот утром, например, все было, как обычно.

– Во сколько вы уехали на дачу свою?

– Нет, ну я рано уезжаю, часов в семь утра. Только у меня не дача, а огород. Дача у нас в другом месте была, у Городского леса¹. У меня как муж умер, я туда особо и не хожу. Ее продавать надо, а я не могу – я там столько...

– Я понял. Достаточно.

– Ну вот, – резюмировала старушка, ничуть не обидевшись на резкость тона.

– В семь утра он, естественно, еще дома был, – сказала Женя.

– А вы откуда знаете? – спросил Бобров.

– Как откуда? Это же мой сын.

– А, вы про сына. Ну да, это понятно.

– А что, что-то случилось, да? – спросила бабушка. – Вы мне обязательно расскажите, а то как же...

– Действительно, как же. Будем надеяться, что нет, – ответил следователь. – Когда вы видели вашего соседа в последний раз?

– Нет, ну вчера вечером...

Следователь вопросительно посмотрел на участкового. Тот отрицательно покачал головой и скорчил гримасу, кото-

¹ Так местные жители называли участок леса, расположенный прямо рядом с городом, переходящий в настоящий лес за его чертой. В районе леса располагались дачи и дома некоторых горожан.

рая должна была объяснить, что здесь все глухо.

– ... У него внизу сначала журналисты интервью брали, потом он их прогнал, а потом домой пришел с двумя пакетами еды, наверное, что еще в нашем-то угловом покупать. А такие пакеты там дают, я знаю, я сама там беру. Я там колбасу не беру только, дорого получается, а у меня пенсия...

– Стоп! – прервал ее Бобров. – Какие еще журналисты, какая колбаса?

– Нет, ну какая колбаса. Журналисты вчера тут пришли, я ж наш телевизор смотрю, я-ведущего-то узнала. Этот паренек-то, он жил не помню уже где, в пятую школу ходил все. У меня там у сестры двоюродной зять работал одно время. Тоже, Лешка, такой мужик был, прости Господи. Пить как начал, так и все. А на него девки наглядеться не могли, толпами за ним...

– Так, послушайте меня, – остановил Бобров бессвязный поток редкой ценности воспоминаний. – Вы мне про журналистов расскажите для начала, а потом с Лешкой разберемся.

Бабушка улыбнулась.

– Нет, ну что с ним разбираться-то. Ну вы даете. Он уже три года, как в Твери. Им квартиру тогда давали, его отцу, он отказался сначала...

– Я знаю все это, – сказал следователь.

– Да? – удивилась соседка и недоверчиво посмотрела на милиционера.

– Конечно! Он мне сам все рассказывал. Вы мне про журналистов расскажите.

– А когда вы с ним разговаривали? Как у него дела-то хоть?

– Отлично! Привет всем передавал. Про журналистов-то расскажите?

– Вот спасибо! Нет, ну что журналисты. Они внизу стояли, Макара ждали. А потом он пришел, они его что-то спросили и разошлись, а он домой пошел с двумя пакетами. Вот. А про колбасу тоже рассказывать?

– Ему все расскажите, – следователь кивнул на участкового и посмотрел на его выпирающий живот. – Про колбасу поподробней желательно, он в ней отлично разбирается. Все, идите домой. А ты, как протокол закончишь, давай журналистов обзванивай.

– Есть, товарищ майор.

– Нет, ну вы мне только обязательно все-все рассказывайте по делу-то этому. А то я ж как же, он же ведь, Макар-то... Мы с его родителями еще...

– Конечно! Вам – обязательно. Вон – участковому телефон не забудьте дать, он вам будет звонить каждый день и в курсе держать.

– Хорошо, – обрадовалась бабушка.

Следователь выпроводил соседку из квартиры. За ней следом ушел участковый. Было слышно, как старушка продолжает давать важные показания.

– Нет, ну колбаса-то тут причем? Я ж говорю, на огороде у меня бочка старая, там ее ржавчина разъела снизу...

Следователь подошел к холодильнику и открыл его. Из еды там была только пачка сливочного масла. Он посмотрел в кухонный шкафчик и нашел там пачку чая. «Не знаю, что он там нес в этих двух пакетах, но, по-моему, он готовился. Либо все с собой забрал, либо там вообще не еда была».

Макар издали увидел играющего у дерева Родю. Он сейчас руководил сражением двух бойцов, которые попеременно гнались друг за другом по веткам, мастерски отбиваясь при встрече невероятными приемами рукопашного боя, от которых отлетали на другие ветки. Родя был настолько увлечен, что не заметил, как папа подошел сзади.

– Ну и кто круче? – спросил Макар.

Родион даже не повернулся. Он еще не запомнил голос отца, а позадавать глупые вопросы, отвлекая от серьезного дела, во дворах среди взрослых всегда найдется кому.

– Не знаю пока, – ответил Родя. – Кто победит, тот и будет.

– А я знаю! – уверенно сказал Макар. – Ты круче всех, самый-самый сильный.

Родион от неожиданности такого заявления замер на месте. Он много раз слышал, как его называли, в том числе и взрослые. Но таких слов точно никогда не было. Отсталый, дурачок, уродец, запор, тормоз, больной – это да. Родя не обижался. Он просто не понимал, почему его называ-

ют именно такими словами, и был убежден, что люди либо ошиблись и с кем-то его спутали, или вообще ничего о нем не знают. Например, почему он больной? Никогда он не жаловался на здоровье. Болел зимой гриппом, было дело. Так зимой все болели. Они что, не видят, что он вылечился – сопли у него не текут, и он не кашляет. Или отсталый. Никогда он не отставал. Бегал он быстрее всех, с кем играл, прыгал дальше, а гулять выходил всегда раньше. Правда, с ним не хотели играть ребята его роста и возраста, но это потому, что боялись, что он может оказаться еще и быстрее их.

Родион повернулся и увидел отца. Его лицо засияло.

– Папка, папка! – Родион бросился его обнимать. – Ты пришел. Я ждал тебя. А это у меня вот какие солдатики.

Он протянул отцу двух пластмассовых бойцов размером с пол-ладони взрослого человека. Руки и ноги их могли шевелиться, ноги еще и сгибались в коленях.

– Ого! – сказал Макар. – Серьезные ребята. Военные?

– Нравится? Могу подарить. Только это не военные. Один, вот этот, космический охотник, а это вот рэнджер из будущего. Хочешь, возьми насовсем?

– Не, ты что. От меня они убегут. Они только тебя слушаются.

Родя звонко и весело засмеялся.

– Ты чего, пап? Куда они убегут? Они ж ненастоящие.

Макар понял, что недооценил сына, или, скорее, переоценил степень его заболевания. Да, общению с детьми ему еще

предстоит научиться.

– Да я пошутил, – сказал Макар и искусственно засмеялся.

Родион снова захохотал вместе с ним.

– Пусть у тебя побудут, а то я потеряю еще, – сказал Макар.

Родион пихнул солдатиков в карман. Сейчас они его не особо интересовали.

– Папка, а можно мне с тобой? – с надеждой спросил он.

– Куда со мной? – удивился Макар.

– А ты куда идешь?

– Никуда. Я к тебе пришел.

– Правда? – Родион не поверил своему счастью. – Тебе что, и на работу не надо?

– Неа, – Макар хитро улыбнулся.

– Класс! А что мы будем делать?

– А что бы ты хотел? Может, в парк пойдем, на аттракционы? Или в кино? А?

– А я все, что захочу, могу попросить?

– Все, что захочешь.

– И ты не уйдешь больше?

Макар удивился такому повороту, но тут же принялся успокаивать сына.

– Ну ты что? Куда я уйду. Я только пришел.

– Насовсем-насовсем?

Макар обнял Родиона.

– А почему ты тогда у нас не живешь? – спросил Родя.

– Нууу... как тебе объяснить, я даже и не знаю, – Макар задумался. – Мне мама пока не разрешает. Говорит, что сначала должна привыкнуть, а потом уже посмотрим.

– А я уже привык, – радостно доложил Родя. – Так что, если захочешь, можешь в любое время приходить.

– Хорошо.

Макар потрепал сына по голове.

– И я привык. Так что делать будем?

– А поехали в лес!

– В лес?! – удивился Макар. – Почему в лес? Зачем в лес?

Родион понял, что с лесом может и не получиться.

– Ну, просто... – Родя засмутился.

– Ну что, говори, нечего тут стесняться.

– Просто все со своими папками ездят в лес, на природу.

Я подумал, если у меня теперь есть папка, мы с ним поедem в лес.

– А как же мы туда поедem? У меня даже машины нет.

Родион посмотрел на отца, и ему стало совсем грустно.

Он по-детски опустил голову.

– Не расстраивайся! – сказал Макар. – Мы с мамой договоримся, и на выходных поедem.

Вдруг Макар понял, что, конечно, Женя в ближайшее время, по крайней мере, этим летом точно, не отпустит его одного с сыном ни в какой лес. А ему непременно надо было побыть с сыном одному. Только в такие моменты у отцов с сыновьями устанавливается нерушимая связь. Она секрет-

ная, и никакая женщина никогда о ней не узнает. А если даже и узнает – она никогда ее не почувствует и не поймет. В такие моменты отцы как будто передают сыновьям все, что в них есть: мужество, мудрость, силу и жизненный опыт. Поначалу для этого нужны разговоры и совместные занятия чем-либо, а в будущем можно даже просто молчать. Между отцом и сыном как будто создается электрическая цепь, которая является замкнутой и рабочей, только когда они вдвоем. Как только появляется кто-то еще, он тут же начинает работать как выключатель или реле, и волшебство исчезает.

Вы когда-нибудь замечали, как стареют мужчины? Постепенно, морщинка за морщинкой, жизнь проламывает в их коже маленькие трещины и выходит наружу, как воздух из едва проколотого мяча. Но она не растворяется в атмосфере и не исчезает. Именно в эти моменты руки сына становятся крепче, а на его лице появляется первая щетина. Жизнь перетекает из одного сосуда в другой, медленно, уверенно и без остатка, и сыновья наполняются настоящей силой, мужеством, отвагой и безрассудством. Они становятся творцами, рабочими, строителями, воинами, защитниками и новой опорой для всех. Сейчас они – сама жизнь, она бурлит в них, разрывая изнутри и иногда заставляя сворачивать горы, а иногда толкая на глупости, если эту жизнь направить совсем не туда. Но эти незабываемые состояния продлятся не так уж долго. Пока рядом не появится новый маленький стаканчик, куда в самое ближайшее время жизнь пойдет уже через

тебя. Но, как ни странно, она не сможет переполнить его, а будет только увеличивать в размерах каждое утро. Именно в одно из таких утр вчерашний почти всемогущий мужчина, возможно, впервые встанет тяжелее, чем обычно. Или почувствует боль в спине. Не сильную, и не на весь день. А всего лишь короткую, оттого, что резко повернулся в кровати. Это пока лишь одна, пробная нота, сыгранная на рояле, музыка которого вскоре понесет его жизнь в новое тело, постепенно и, самое главное, незаметно усиливая и усиливая мелодию, как это делает искусный пианист. А жизнь очень искусна! И вот уже на самых сильных долях, во всю мощь играет кода, а потом наступает тишина... Буквально на секунды, так как где-то совсем близко в оркестре постепенно вступает другой инструмент.

– А знаешь что? – сказал Макар расстроенному сыну. – Поехали! Прямо сейчас.

Родион буквально ожил.

– Правда?!

– Конечно правда. Только давай Арину найдем и скажем, что мы с тобой вместе гуляем и скоро вернемся.

– Давай. А где мы ее найдем?

– Да... – задумался Макар. – Действительно, где.

Но идея тут же пришла ему в голову.

– А давай сейчас к мамке на работу, скажем ей, что мы пойдем вместе гулять. Только про лес – ни слова, понял! Это наш с тобой секрет будет, я тебя в тайное место повезу.

– Ура! В тайное место!

– Мамке и сестре про него не говори. Место волшебное.

Иначе оно работать перестанет.

Родион опять захохотал.

– Волшебное. Ну ты даешь, пап. Никакого волшебства не бывает. Оно только в сказках для маленьких.

– А вот и нет, – Макар сделал вид, что обиделся. – Кто тебе такое сказал? Волшебство – бывает. Каждый человек может быть волшебником. Творить волшебство или нет – это, если хочешь знать, личный выбор.

– А ты волшебник? – удивился Родион.

– А ты как думал?

– Покажи мне волшебство!

– Это еще зачем? Волшебство выставляют напоказ только фокусники и клоуны. Вот у них ненастоящее волшебство. А я лучше тебя самого научу делать волшебство.

– Меня?! Я тоже могу быть волшебником?

– Ты и есть волшебник. Просто тебя пока некому было научить. Если ты будешь мне верить – скоро сам это поймешь.

– Я верю, папка, я верю!

Родя уже сдерживал эмоций и прыгал вокруг отца.

– Где мамка работает? – спросил Макар.

Родя продолжал прыгать, но физически стал уже немного уставать и тяжело задыхался.

– Я... аха... не знаю... ух, – еле проговорил он.

Макар задумался, как дальше им поступить, чтобы не на-

рваться на неприятности. В это время Родион остановился и, полусогнувшись, восстанавливал сбитое дыхание.

– Сынок, – серьезно заговорил Макар. – Что делать-то будем? Так просто уйти нельзя. Маме надо как-то сказать, что ты со мной, иначе волноваться будет. Как быть-то?

– А давай записку ей напишем! – тут же осенило Родю. – Как в кино было, в этом, как его, ну про убийцу.

Макар засмеялся.

– Отличный пример. Нет, давай мы лучше записку напишем, как было в кино про счастливую семью.

– А это что за фильм? Я не смотрел.

– Посмотришь еще, – весело сказал Макар.

– Обещаешь?

– Ну, я вообще за этим и вернулся.

– Чтоб я фильм посмотрел? А в лес мы что, не поедем? – разочарованно спросил Родя.

– Да поедем. Фильм потом посмотрим, это точно не сразу.

– А как же поедем, если у тебя машины нет?

В голосе Родиона слышалось опасение – все могло сорваться в любую секунду из-за такой нелепой мелочи, как дурацкая машина.

– Да наплевать, – сказал Макар. – Подумаешь, машина. Буду я еще переживать, что у меня нет этого ведра с гайками, когда у меня есть такой сын!

Родя снова захохотал.

– Ведра с гайками. И правильно, что нет. Зачем тебе целое

ведро гаек? Смешной ты, папка!

И они засмеялись вместе.

Макар с Родей зашли в ближайший газетный киоск, купили ручку и блокнот, написали записку Жене, отнесли ее к квартире и приспособили между дверью и косяком на самом видном месте – рядом с замком. И все это время между отцом и сыном была настоящая магия. Потом Макар пошел с Родей к себе в квартиру, быстро собрал почти все продукты, которые купил вчера, кроме масла – растает по дороге, хотя с маслом бутерброды были бы гораздо вкуснее. А еще взял старый нож своего отца, телескопическую удочку и зажигалку, чтобы развести костер. Они отправились на остановку, сели в автобус, который шел в недалеко расположенную от города деревню, и отправились в путь.

Все это время Родион постоянно смотрел на своего папу. Ему очень нравилось, что он у него теперь есть. Он старался получить от отца все, что ему так не хватало, пока Макар был где-то далеко. Всем, в понимании ребенка, было внимание и любовь. Родя старался задавать как можно больше мужских вопросов – ведь ему столько предстояло наверстать в общении.

– Пап, а мы что, на автобусе на природу доедем?

– Конечно! Мы до деревни доберемся, а там пешком пройдем до речки. Настоящий поход получится. Поход – он так и называется, «поход». В него именно ходить надо, хотя бы чуть-чуть. Если только ездить, а тем более на своей машине

прямо к месту, куда тебе надо попасть – это уже не по-настоящему. Не поход, турпоездка какая-то. В настоящем походе, как и в жизни, ты должен все найти сам: и свое место, и дорогу к нему. Понял?

Родион внимательно слушал отца.

– Ага! А мы точно не заблудимся?

– Точно. Ну даже если и заблудимся – ты ж волшебник, забыл? Волшебники ничего не боятся.

– Я помню.

– А ты когда-нибудь в поход уже ходил? – уточнил Макар.

Родион отрицательно покачал головой и вздохнул.

– В походы все ведь с отцами ходят.

Макар приобнял Родиона.

– И хорошо, что не ходил! Так тебе намного интересней будет.

Макар с Родей вышли из автобуса и направились через лес к берегу реки. Они шли очень медленно – Родион останавливался и разглядывал все, что попадалось на пути, засыпая отца вопросами. Они три раза выходили к берегу, но это были не «их» места – где-то был неудобный подход к воде, где-то много кустов, где-то просто не понравилось. Наконец, они нашли «свое» место, и оно было по-настоящему прекрасным!

Небольшая полянка переходила в редкую березовую рощицу, где можно было скрыться в теплой тенистой прохладе солнечного лета. Сама же поляна или от грунтовых вод,

или от попавшего сюда в войну снаряда, представляла собой низину с плавно поднимавшимися краями. Это не походило на обычную воронку, но время вполне могло поработать над ее усовершенствованием. Ее ровная терраса, поросшая плотной, но невысокой травой, позволяла с комфортом расположиться на ней, а глубина и закрытость делали это место по-настоящему таинственным и даже тайным – проходящему мимо его надо было еще разглядеть, ведь само начало спуска маскировали несколько кустов дикой малины. Такой рельеф делал это место еще более привлекательным потому, что обеспечивал отличный подход к реке.

Недалеко от берега торчали из воды несколько больших камней-валунов. Расстояние между ними позволяло переступить с одного на другой, или, правильнее сказать, дотянуться ногой до ближайшего камня. И хотя возле берега было совсем не глубоко, по камням можно было подойти к самому краю границы, где дно резко обрывалось, и при желании, на выбор, или нырнуть, или отлично порыбачить, не замочив ног.

Макар немного постоял у воды и посмотрел вдаль, куда-то на другой берег.

– Вот она, река Смородина...

– Пап, что ты говоришь?

– Да так, ничего. Место говорю просто волшебное, точно наше.

В том, что это было именно «их» место, не сомневался ни

Макар, ни Родя. И хотя Макар подозревал, что любителей посидеть здесь могло набраться побольше, чем он с сыном, Родиону он не стал говорить ничего такого, и позволил событиям развиваться по старому неписанному закону: «Когда мы здесь, это место наше».

К тому же, вряд ли кому-то, кроме них, открылась истинная, волшебная природа этого пространства. Как только они оказались тут, их ощущения можно было описать как «локальная невесомость». Они не просто как будто бы попали в параллельный мир – они словно парили посреди огромного космоса вместе с этой полянкой. И если сейчас подняться и выглянуть за ее края, можно было бы легко свалиться или, того хуже, испугаться мощи Вселенной и отшатнуться, навсегда разорвав тончайшую связь, проложенную между их сердцами и всем мирозданием.

Они сели прямо на кофту Макара, потому что, как и любые мужчины, естественно, забыли позаботиться о такой мелочи, как покрывало. Они сидели рядом и оба понимали, что точно знают, как это, когда бывает хорошо. Макар предложил сынку подкрепиться. Они на весу нарезали хлеб, колбасу и сыр крупными походными кусками, от которых мама дома просто упала бы в обморок и навсегда запретила бы подходить к холодильнику без ее присмотра. Сложив их в форме сэндвичей, они с удовольствием заедали это настоящее лакомство помидорами и огурцами, периодически поправляя губами то и дело норовившие выскочить ломти кол-

басно-сырной нарезки. Лес, свежий воздух и долгие прогулки пешком заражают организм огромным аппетитом. И если определять, что значит термин «аппетит» на самом деле, то в этом определении обязательно должны фигурировать слова «природа» и «гулять». И не надо путать это прекрасное чувство с обычным, пусть даже и очень сильным голодом, когда организму физиологически необходимо насытить собственные клетки и органы. Аппетит во время лесных прогулок – это прежде всего продолжение того истинного наслаждения от единения с природой, которое дополняется еще одним обостренным ощущением – вкуса – и желанием вместить все созерцаемое вокруг внутрь себя без остатка.

Когда Макар с Родей съели все, что у них было, отец решил научить сына первому передаваемому по наследству мужскому навыку – разведению костра. Но в ответ на предложение Родион какое-то время молчал, затем поднял на отца глаза и сказал:

– Знаешь, пап. Давай не будем.

– Почему это? – удивился Макар.

– Мы тогда место испортим. Пусть тут все так и остается, как было.

Макару очень понравился ход мыслей сына. Он потрепал его по макушке и прижал к себе.

– Ты уже многое начинаешь понимать, – сказал Макар.

Родя встал и побежал к камням. Он ловко перепрыгнул с одного валуна на другой и заметил проплывающую в воде

рыбу.

– Папка, смотри, рыба! Она огромная! Давай ее поймаем.

Макар разложил удочку, насадил на крючок остатки хлеба и пошел к сыну. Он показал Роде, что представляет собой рыбалка, объяснил, для чего нужны грузило, поплавок и катушка, и закинул наживку. При первом же забросе крючок зацепился за какие-то водоросли, и поплавок резко ушел под воду.

– Клюет! – закричал Родион. – Огромная, наверное!

Макар подергал удилище в разные стороны и понял, что именно у него клюнуло. Он сделал несколько рывков, но крючок не поддавался. Тогда Макар передал удочку Роде, а сам вернулся на берег. Пока Макар снимал обувь и штаны, Родя решил проявить инициативу и помочь отцу, чтобы тому не пришлось искать крючок под водой. Он несколько раз сильно дернул удочку, и леска порвалась. Оставшийся же на большой леске поплавок сильным рывком был запущен далеко в реку, и быстро поплыл по течению.

Родион ждал наказания и молча стоял, опустив голову. Макар не обратил на это досадное недоразумение никакого внимания. Он подошел к сыну с новыми снастями.

– Пап, я не хотел, – виновато сказал Родион.

– Чего не хотел? Рыбачить все, надоело?

– Я про поплавок...

– Какой поплавок? – Макар выдал все свое актерское мастерство.

– Поплавок уплыл.

– Какой еще поплавок? Не было же никакого поплавка. Я не помню, – Макар изобразил, что он напряг память. – Нет, точно не было.

– А вот и был! – уже бодрее и радостнее заговорил Родион, принимая игру.

– Ну и где он тогда?

– Улетел.

– Ха-ха-ха. Ну ты даешь! Как он мог улететь? Поплавки не умеют летать.

Родион от души рассмеялся. Он понял, что отцу совершенно не важно, что он натворил, и от этого он стал еще счастливее.

– Кстати, ты знаешь первую рыбацкую примету? – спросил Макар.

– Нет.

Родя приготовился выслушать что-то интересное.

– Если не утопил за рыбалку ни одного поплавка – рыбалка не считается. Так что у нас с тобой самая настоящая рыбалка!

– Ура! – прокричал Родион.

Макар привязал новый крючок и грузило, а вот еще одного поплавка у него не оказалось. Он попробовал половить без него. Его захватил такой азарт, что он даже не заметил, как сыну полное отсутствие клева быстро наскучило. Макар посмотрел на Родю, рубившего палкой на берегу слишком

высокую, по его мнению, траву, и понял, что надо возвращаться. Но решил перед этим подшутить над сыном.

– Ох! Вот это да! Вот это рыба! Я ее сейчас... Эх, ушла!
Ну ладно, в следующий раз ты сам ее поймаешь.

Родион смеялся.

– Пап, что ты врешь? Нет там никакой рыбы.

Макар понял, что скормил наживку удачно.

– Как же это нет? А кого я только что видел? Я ее сейчас...

– Без поплавка рыбу не поймать.

– Это смотря какую, – со знанием дела сказал Макар. – Эту очень даже поймать!

– Какую такую эту? – всерьез заинтересовался Родион.

– Рыбу-солнце.

Родя рассмеялся.

– Такой рыбы не бывает.

– Еще как бывает. И, между прочим, это не простая рыба. Если ее поймать, у тебя обязательно будет настоящее счастье.

Родион смотрел на Макара с подозрением, но уже все-таки больше доверял отцу, чем не доверял.

– И как она выглядит?

– Это ты сам поймешь, когда ее увидишь. Ты ее ни с чем не спутаешь.

– И ты хоть раз ловил такую?

– Один раз было дело.

– И что ты с ней сделал?

Родион, кажется, приближался к разгадке главной тайне своей жизни.

– Ты стал счастливым?

– Да. Но не от того, что у меня была Рыба-солнце. Я подарил ее твоей маме, и она стала счастлива. В тот же миг откуда-то прилетели два больших светлячка и поселились в ее глазах.

– Настоящие? – удивился Родя.

– Самые настоящие! Они жили там днем и ночью, и твоя мама была самой счастливой на свете. Она радовалась жизни каждый день так сильно, что почти летала. Все прохожие заглядывались на нее и думали, что с ней что-то не так. Еще бы! Разве может человек быть так счастлив? Все ее подруги боялись, что она вот-вот взлетит или просто лопнет, как воздушный шарик, и по всем улицам города придется несколько дней подряд убирать миллионы ее улыбок. Но потом все сами заряжались от нее счастьем, и тоже всю начинали улыбаться. Я никогда на свете не видел человека счастливее. А из-за ее счастья был счастлив и я.

Родион вспомнил свою занятую, строгую и часто сердитую маму, с очень красивым просветом пепельно-белых волос, появлявшимся иногда у нее на макушке, который мама зачем-то старалась как можно быстрее закрасить. И вспомнил себя, когда первый раз на днях увидел вернувшегося папу. Нет, что-то тут не так. Разве можно сказать, что мама счастлива? Счастливые люди выглядят совсем по-другому.

му. Даже старающаяся казаться взрослой и серьезной Арина прыгала почти до потолка, когда ей подарили набор косметики и духи. Папа точно что-то понял не так.

– И где тогда сейчас эта рыба? – спросил Родя.

– Я не знаю. Я отдал ее твоей маме, но она, наверное, ее потеряла. В один день она пришла, а рыбы не было там, где она ее обычно ждала. Мама, наверное, долго ее искала, но рыба спряталась так хорошо, что и сама забыла, как ей вернуться назад. Мама, наверное, искала ее день и ночь, а рыба искала маму. И вот однажды мама посмотрела в зеркало и больше не увидела у себя в глазах светлячков. Может, им стало холодно зимой, или в долгие ночи они очень быстро сторели. А может, они не могут жить без своей рыбы, и они полетели за ней, и тоже где-то потерялись.

– И что же нам делать?

– Как что? Мы будем ее снова ловить! И обязательно когда-нибудь поймаем. Причем поймаешь ее именно ты!

– Без поплавка? – уточнил Родион.

– Без поплавка. А, может, и с поплавком. Это совершенно не важно. Ты сделаешь это так, как сам считаешь нужным. Потому что только ты узнаешь, где твоя рыба.

– Откуда же я это узнаю?

– Отсюда.

Макар прижал руку к груди.

А потом они с сыном долго купались, пока их губы не стали синими, а зубы не начали стучать сами и собой. Они об-

сыхали в лучах солнца летнего вечера, которое уже не палит так сильно, а позволяет плавать, как в воде, в своем тепле и свете, чтобы они полностью обволокли и пропитали тебя, прогрели все промерзшие за холодную зиму косточки и зарядили желанием жить.

– Пап, а почему ты купаешься в футболке? – спросил Родя.

Макар действительно купался в футболке, причем из достаточно плотной ткани. Даже будучи мокрой, она не просвечивалась, оставаясь такой же надежной визуальной защитой.

– А мне так больше нравится. Так интересней. А то все купаются без футболок, это как-то скучно. А я вот один в футболке.

– Так ты ее сейчас сними, она ж мокрая. Заболеешь.

– Кто, я? Не заболею. Наоборот, так быстрее высохнет. И вообще, если честно, – произнес Макар таким голосом, как будто открывал свою самую большую мальчишескую тайну, – я стесняюсь.

– Стесняешься? – удивился Родя.

Макар утвердительно покачал головой, картинно оттопырив нижнюю губу.

– Почему? – спросил Родя.

– Ну, понимаешь, я не очень накачанный. Вот если бы я был как все эти шварценеггеры из боевиков, тогда да, конечно. Мне бы было не стыдно, и даже наоборот, я бы хвастался,

какой я большой и сильный. А я вот не такой, и стесняюсь поэтому.

– Так и я не такой.

Расстроенный Родя посмотрел на свои детские подобию мускулов.

– Так ты еще вырастешь и все накачаешь. А я вот не успел. Не было у нас в детстве всех этих тренажеров и спортзалов. Мы в футбол гоняли только – вот поэтому все такие хилые. А ты у меня и сейчас уже здоровый и сильный.

Макар потрогал бицепс сына.

– Ого! Ничего себе. Крепкий ты.

Родион с удивлением посмотрел на свою худую руку, но это была именно та похвала, которую нужно получить каждому сыну от каждого отца в нужное время. Именно эти слова порой дороже миллионов других, и вселяют в будущих мужчин желание стать настоящими.

– А ты у меня все равно самый сильный и самый крутой! – сказал обрадованный Родя и обнял отца за мокрую футболку.

– Спасибо, сынок.

Довольные, уставшие и счастливые, Макар и Родя пошли к деревне ждать обратный автобус. Но автобуса не было...

Записка в чужой двери – это едва ли ни лучшая приманка для десятилетнего мальчишки. Не прочитать ее значило бы предать сам хулиганский дух. Тем более, что у соседа-ду-

рачка, живущего на два этажа ниже, происходят в жизни такие события. Он вынул из двери записку и прочитал корявый печатный почерк: «Мама, не волнуйся. Мы гуляем с папой, а потом пойдем к нему в гости. Вечером буду дома. Родя». Дальше шла приписка, но почерк был уже ровный, взрослый. «Женька, привет! Это я. Мы решили с сыном немного побыть вместе и пообщаться по-мужски. Не волнуйся, мы совсем рядом, просто нам надо побыть именно вдвоем. Вечером, как погуляем, будем у меня. Так что, если хочешь, заходи. Домой Родю приведу часам к 9. Макар».

«Ой-ой-ой, у дурачка батя появился, – подумал соседский мальчишка. – Надо пацанам во дворе показать, а потом сожжем». Он сунул записку в карман и побежал по лестнице вниз.

Понять логику десятилетнего мальчика, проводящего больше всего времени во дворе со сверстниками, не всегда просто. Большинство таких вот дворовых ребят в этом возрасте никак нельзя назвать хорошими. Глупые поступки и гипертрофированная жестокость, издевательства над более слабыми и установление своего места в неформальных коллективах – это их обычное поведение. Позже они вырастут, и эти качества в них взрослых будут считаться хорошими и называться более благозвучно: спонтанность, умение отстаивать свое мнение, лидерство. Смех над теми, кто не может ответить, назовут остроумием, а другие приветы от дальних родственников, с которыми мы расстались двести тысяч

лет назад, но с тех пор не так уж много изменили в себе, – брутальностью и характером. Кому-то обязательно повезет, и мудрый родитель заметит, что его чадо – вовсе не ангел, и однажды крайне жестко пресечет такое поведение, вырвав сорняки с кровью и корнями. Если, конечно, он уже избавился от подобных «черт личности» сам. Но этот был не из таких, он был из обычных. Из тех, после кого остаются руины и поломанные жизни. Из тех, кто, видя трещину на стекле, никогда его не заменит (если, конечно, ему за это не заплатят), а разобьет все остальные.

Макар с Родионом ждали автобус уже больше часа. На остановке собралась толпа людей, которым тоже надо было в город. Темнеть еще не начало, но солнце уже понемногу клонилось к закату. Значит, обещанное время они, скорее всего, пропустят. Наконец, из-за дальнего поворота поднялся столп пыли, и дорога зарычала. Через мгновение выехал, качаясь на кочках, как на волнах, старик-трудяга, похожий на большой рыжий батон. Покой и хороший ремонт – вот что не помешало бы ему прямо сейчас, но он упорно и настойчиво продолжал работать. «Умри, но сделай» – девиз, сопровождавший все его поколение. И умирали. Прямо на ходу, прямо посреди дороги. А потом навсегда исчезали в раю автотранспортных предприятий. Сначала с них снимали все более-менее пригодные запчасти, и их душа становилась частью другого ковчега, оставаясь жить вечно. Потом кто-то

сдирал обшивку, забирал сидения, снимал алюминиевые детали салона. Дети сотрудников предприятия какое-то время играли в них, пока там не оставалось ничего, кроме корпуса. А потом и сам корпус куда-то исчезал, и место пустовало, ожидая нового пенсионера. А на заводе по переработке черных металлов тихо находили уже теперь и вправду вечный покой два закрывшихся круглых глаза.

Эти батоны-ковчегии колесили по маленьким городам и деревням всей страны, и миссия их была поистине библейской. Связывая людей друг с другом, привозя на работу и забирая домой, отправляя жителей отдаленных деревень в большую жизнь, или наоборот, доставляя ее к ним, они сами отдавали свою жизнь на то, чтобы людям было во всех смыслах хоть чуточку теплее. И главной их наградой была искренняя радость от того, что вдалеке люди наконец-то увидели их.

– Твою ж ты мать, ну совсем уже поохренели! Полтора часа ждем. Где это вонючее корыто носило? – выразил эмоции кто-то из ожидавших.

– Ну ладно, приехал же уже, и то хорошо, – ответил другой.

Макар отметил про себя, что, сами того не понимая, только что на его глазах два человека стали частью вечной войны, идущей в мире каждый день, незатейливо, по-житейски, столкнув лоб в лоб противоположные взгляды на жизнь.

Автобус остановился, и все полезли в него, чтоб успеть занять место. Макар с Родей спокойно ждали – они могли и

постоять. Каждый заходивший или бросал гневный взгляд на водителя, или учил его пользоваться часами, при этом почему-то смотря в сторону, хотя адресат обращения сидел прямо перед ним.

– Господи, Боже мой, где только черти носят. Уже ночь на дворе, а он все где-то шарахается, – открыто обозначил свой мудрый взгляд на ситуацию еще одна вошедшая.

Водитель покорно принимал недовольства, хотя на самом деле они делили вместе с автобусом все пополам.

Одним из немногих, кто не выразил никакого негодования, был Макар. Он спокойно зашел в автобус и приветливо улыбнулся водителю.

– Сломался что ли, командир?

Уставший водитель удивился участливому тону Макара и первый раз с момента остановки поднял глаза. Он увидел улыбающегося отца с сыном и вздрогнул от неожиданности. Глаза его забегали от Макара к Роде, и обратно. Он показался странным не только Макару, но даже и Родиону.

– Так что с машиной-то? – спросил Макар.

– Нормально все, – ответил водитель.

– До дома-то доедем?

– Угу.

Водитель продолжал смотреть на них с испугом, но по нему было видно, что он пытается обуздать гораздо более сильные эмоции. Макар с Родей прошли в конец салона и встали у задней двери.

– Чего это он? Ненормальный что ли? – спросил Родя.

– Да кто его знает, обознался, может.

– Странный он.

Но водитель был не странный и не обознался.

На въезде в город стоял мобильный пост ГАИ. Все его заметили издалека и с интересом смотрели в окна. По салону пошли разговоры.

– Чего они встали тут?

– Черт их разберет, ловят, наверное, кого-то.

– Да уж точно не просто так загорают тут ночью.

– Что-то серьезное, наверное, они так просто облав не устраивают.

Водитель остановился у поста, быстро выбежал из автобуса. Макар почуял что-то неладное. Но так как он не смог найти быстрых ответов у себя в голове, подумал, что это просто приступ панической атаки. Такие у него теперь бывали.

Один из милиционеров некоторое время о чем-то спорил с водителем, потом другой взвел автомат и собрался идти к автобусу, но его остановил старший коллега. Он что-то сказал первому, тот покивал, и остался на месте.

Водитель подбежал к двум дежурившим сотрудникам.

– Они там!

– Кто, где? – сухо спросил капитан.

– У меня!

– Что у тебя? – в таком же тоне продолжил милиционер.

– Да мать же ж вашу, – не выдержал водитель. – Эти двое, о которых нам на планерке сегодня дали наводку.

– Не знаю, кто вам там дал на водку на вашей планерке, но похоже употребил ты уже как следует.

– Да я... да я вообще, если хотите знать...

– У нас ориентировки. Наводки у воров.

– Они в салоне, – напомнил водитель предмет разговора.

– Уверен? – уточнил капитан.

– Да ты что, командир. Ну что у нас часто люди возвращаются через десять лет, в газетах же писали.

– Какой же ты debil. На хрен ты остановился? А если он сейчас запаникует и начнет себя неадекватно вести? – разозлился капитан.

– А что мне было делать? – почти истерично вскрикнул водитель.

– Не быть таким дураком, для начала.

– Так а как я бы...

– Каком! Где ты должен остановку делать в таких случаях? Ты понимаешь, сколько там людей специально обученных дежурит? Знаешь, что такое штурм автобуса с заложниками?

– Какими заложниками? Нет никаких заложников, они просто едут.

– Разрешите проверить, – уверенно скорее сказал, а не спросил лейтенант и взвел затвор автомата. – Сейчас и возьмем сразу.

Он сделал несколько шагов к автобусу.

– Стоять, – спокойно одернул его капитан. – Назад вернулся.

Лейтенант вернулся назад. И хотя у них с капитаном вне службы были приятельские отношения, тот был намного опытнее молодого лейтенанта и здесь был в первую очередь командиром. А поэтому придется принять и перетерпеть все, что в обычной жизни просто недопустимо в общении двух людей.

– Куда ты поперся? – спросил капитан.

– Как? – удивился лейтенант. – Сейчас их возьмем, такой шанс. Это ж звание дадут, премию.

– Какой шанс? Ты совсем придурок, честное слово? Вас чему учат вообще в школе милиции?

– А что я не так сказал?

– Там полный автобус людей. А если у него оружие? Если он начнет по людям работать? А если он ребенка порешит на месте? Нож ему приставит к горлу – кого тогда брать будешь? Труп?

– Ну он же не будет вот так вот... – пытался возразить лейтенант.

– Откуда ты знаешь? – резко перебил его капитан, повысив голос. – Ну вот откуда ты знаешь! Ты где служишь?

– В смысле?

– Ты где служишь, я спрашиваю?

– Ну в ГАИ.

– Ну вот и служи в ГАИ. Наше дело было никого не выпускать, а тут он сам обратно едет. Пусть ОМОН с ним и разбирается. Значит, слушаем сюда оба. Виду не подавать. Ты, – он обратился к водителю, – едешь как будто так и надо. Ты, лейтенант, его по тихой сопровождаешь на моей машине, чтоб он ни о чем не зачесался. Я вызываю ОМОН и иду следом. Дальше ждем распоряжений. Если мы еще не все заporоли – должно прокатить. Вопросы?

Капитан посмотрел на водителя. Тот отрицательно потряс головой. Капитан перевел взгляд на лейтенанта.

– Никак нет. Разрешите?

– Не разрешаю. Там ничего в автобусе? Движение есть, что-нибудь происходит?

– Да вроде нет, – сказал водитель. – Ничего такого.

– Нет, – подтвердил лейтенант, исподтишка глядя в окна.

– Я это, хотел сказать... В общем, он какой-то. Ну... – мямлил водитель.

– Быстрей рожай, – поторопил его капитан.

– Ну он спокойный и улыбается. Добрый. Ну не ведут так себя те, кто детей ворует. Не такие они.

– Понятно, – сказал капитан.

Он очень жестко посмотрел на водителя.

– Слышь, ты совсем конченный или как? Ты много видел то их, кто ворует? Ты понимаешь, что весь автобус на нас пялится. А ну за руль мухой, умник хренов. И не забудь отмазаться перед пассажирами, чтоб вопросов не было. Пошел!

Водитель тут же убежал обратно в автобус. Как только он зашел в салон, на него тут же посыпались вопросы:

– Чего так долго-то, шеф?

– Что им надо?

– Ловят кого?

– Да кто их знает, кого они там ловят, – сказал водитель. – У меня что-то в документах не так, вот и докопались. Козлы, блин. Еще денег хотели содрать. Мол, сейчас весь автобус как выведем под стволы, может, найдем в салоне что-нибудь. Еле отмазался.

Как только автобус отъехал, у капитана зашипела рация.

– ОМОН готов, ждем. Прием.

– Я их веду, – ответил капитан. – По деревенскому маршруту. Где нас сможете подсесть? Прием.

– Чтоб не вскрыться, у ДК. Прямо из-за него стартанем, как вас пропустим. Прием.

– Вас понял. Конец связи.

Автобус подъехал к остановке, которая была ближе всего к бывшему, то есть настоящему, дому Макара. Он понял, что они прилично опоздали, и готовился получить от Жени серьезную взбучку, скорее всего переходящую в истерику. Он начал продумывать возможные варианты разговора, но эти шахматы ему удавались очень плохо, и он решил действовать по обстоятельствам, а пока просто подготовить себя к настоящей лавине гнева.

Макар с Родионом вышли из автобуса. На этой же оста-

новке с ними вышла пожилая женщина. Не успел автобус отъехать, как к остановке подлетели несколько машин, из которых выбежали вооруженные люди и ловко скрутили Макара. Один из них поднял на руки Родю и оттащил в сторону. Тоже сделали и с вышедшей бабушкой. Из милицейской машины навстречу Роде выбежала мама, вся заплаканная, и кинулась обнимать и целовать сына.

– Господи, что он с тобой сделал? – запричитала Женя.

– Кто сделал? – удивился Родион. – С кем сделал?

– Этот... – Женя сдержала гнев. – Твой отец.

– Папа? Он ничего не делал со мной, мы с ним ездили в лес, ловили Рыбу-солнце, которую он подарил тебе, но она спряталась и из-за этого потерялась, а светлячки улетели. А еще мы нашли свое тайное место, но об этом мне нельзя никому говорить, потому что оно тайное.

– Подожди, Родечка. Что ты говоришь такое? У тебя шок.

– Да нет у меня никакого шока. Мы классно съездили с папой, только костер не стали разводить, чтоб место не портить. А что такое шок?

– У вас все в порядке? – поинтересовался один из милиционеров. – Ребенок цел? Помощь нужна?

– Нет, – ответила Женя.

– Что нет?

– То есть да. Все в порядке. Нет, помощь не нужна. Мы домой пойдем, если можно?

– Да конечно. Завтра с утра в отделение придете для

дачи показаний, а пока отдыхайте.

– Поняла.

– Мам, а как же папа? Куда его повезли? – дергал Родя маму за руку.

– Пошли домой, сынок.

– Но папу же забрали!

– Давай дома поговорим. Пошли домой. Тебе надо отдохнуть. Слышал же, что дядя милиционер сказал.

– Ну мам! А папа? Он что, в беде? Давай его спасти! Маа-ам!

Женя выдохнула и некоторое время молча смотрела вниз, чтобы успокоиться. Сейчас в таких случаях предлагают досчитать до десяти, но тогда такими серьезными техниками еще не владели. Кухня их квартиры сжалась до малюсеньких размеров и давила своими стенами голову Жени, которая готова была лопнуть, как бутылка, начиненная карбидом.

– Родя, давай еще раз. Так папа тебя не украл?

– Меня? Украл? Да ты что! Это я сам попросил его в лес поехать. Все ездят с отцами на природу, а я и не был ни разу. Ну то есть я был с вами, это я именно с папой не был...

Женя уже не слушала сына. Она очень медленно и пока крайне плохо, но уже начинала понимать, какую чудовищную кашу она заварила.

Следователь Бобров уставился в одну точку. Он долго

смотрел на ветку дерева за окном, на которой сидела сойка и, наверное, смеялась надо всем: над ним, над ситуацией, над миром. Как это ни банально, но сейчас он завидовал птице и ее свободе. Казалось, прошла целая вечность, пока сойка вспорхнула с ветки, и за это время в голове Боброва пронеслись тысячи мыслей. «Нет, с матерью все понятно – у нее эмоции. Женщина. С дочки тоже спроса быть не может, она еще толком ничего не понимает в жизни. Сотрудники выполняли приказ. Весь город искренне стремился помочь. Но я-то? Я? Со мной что не так? Может, старость? Слабоумие? Да к черту все это! Рассказывать самому себе, что не виноват, и жалеть себя. Не причем тут возраст. Просто расслабился. А, может, устал». Каждый день службы давался все тяжелее, каждое дело забирало все больше здоровья, а старые скелеты в нескораемых шкафах и сейфах не пускали ни то, что в рай, а даже в отпуск. «Точно! Хороший отпуск – вот, что ему нужно. Заработался. Отпуск. И просто сидеть и смотреть на птиц. Коготок увяз – всей птичке пропасть. При чем тут это? Нет, так не пойдет. Не пропадет он никуда. Просто возьмет отпуск и будет смотреть на птиц. Целый месяц. Целый год. Целую вечность».

Он решил еще раз закрепить результаты с помощью одной из классических систем проверки – психологического давления. Насколько это возможно в данном случае. Он строго посмотрел в глаза Роде жестким, устрашающим взглядом.

– Это точно правда, что ты рассказал? Потому что, если

ты соврал, ты пойдешь в тюрьму.

Следователь мельком бросил взгляд на Женю и понял, что она не против. Но с Родионом ничего не произошло не внутренне, не внешне – он также продолжал легко улыбаться.

– Ну я же говорю, дядя милиционер. Это все правда. Точно-преточно. Это же мой папа, как он мог меня украсть?

Бобров понял, что ребенок не врет. И даже если он врал фактически, он в то же самое время не врал – ведь он мог не понимать, что происходит, и от чистого сердца воспринять похищение, как игру или милую прогулку. Тем более этот ребенок. Да только игру эту к делу не пришьешь. Тут нужно что-то пожирнее. Но сейчас и здесь он точно ничем не разживется.

– Ну знаешь, брат. Сейчас что угодно может быть, а у нас работа такая – проверить. Смотришь же телевизор, там чего только не показывают.

– Смотрю, – сказал Родя. – Только это все неправда. Там все придумывают, чтобы было интересней. А вы не знали?

Следователь искренне позавидовал такому взгляду на жизнь и вере в собственного отца.

– Ну и что мне с вами делать, семейка, блин?

– Отпустите папу! Пожалуйста.

– А чего сразу не приехали? – обратился Бобров к Жене.

– Ваш сотрудник сказал: «С утра». Я вот и пришла. Да и Родя вон вырубился после такого денька. И вообще, я переполновалась, и сама уже не соображала ничего, если честно.

Не догадалась сразу позвонить или приехать. Я ж не знаю, как себя обычно надо вести в таких ситуациях.

– Обычно... Обычно таких ситуаций не надо создавать. Хорошо хоть его не застрелили при задержании. А то потом мы бы с вами в других местах волновались.

– Извините меня, пожалуйста. Я такая дура, просто нет слов.

– Да есть. Просто при детях их не принято говорить. Женя виновато смотрела в пол, боясь поднять глаза.

– Отпустите нас всех, пожалуйста – сказала она.

– Вас я и не держу. Хотя можно было бы для профилактики. А вот вашего официально умершего мужа... Паспорта у него нет, по нашим данным он давно умер, где был десять лет, мы не знаем, а он ни в какую не говорит.

Следователь задумался – не самая стандартная ситуация, конечно, но и держать Макара в камере не было никаких законных оснований.

– Ладно, забирайте вашего пропадающего. Спасибо вам за все!

– Простите, – сказала Женя.

– Простите, – повторил Родя.

Он до конца не понимал, за что именно они извиняются, но чувствовал, что это как-то может помочь папе, поэтому это надо было сделать. Ведь внутри он ругал себя за то, что заснул ночью, как сказала мама милиционеру. «Получается, это из-за него они не поехали спасать папу сразу. Как же он

виноват!»

Женя с Родей ждали в коридоре. Когда к ним привели Макара, он искренне удивился и обрадовался.

– Вы что, за мной пришли? Вот это да!

Он подбежал к ним и обнял сразу обоих.

– Спасибо вам! Как же приятно! Не ожидал. Так меня что, отпускают?

– Кому ты тут нужен? – виновато пошутила Женя. – Кроме, вон, сына.

Она потрепала Родиона по голове.

– Пап, прости меня. Я заснул ночью, и не приехал сразу. Я не помню, как заснул. Я не знал, что тебя хотят посадить в тюрьму. И вообще это все из-за меня.

– Ерунда какая! Никто меня не хотел никуда посадить. О чем это ты? И ни в чем ты не виноват. Правильно и сделал, что заснул. Ночью спать надо.

– Так тебя не хотели посадить? – удивился сын.

– Нет конечно! Это они ошиблись. Меня перепутали с кем-то. С каким-то страшным злодеем, который людей похищает. Но потом поняли, что я не при чем, и тут же дали чаю и кровать, чтоб я ночью по темноте далеко не ехал и выспался прямо здесь.

Даже когда они вышли на улицу, и все было позади, Макар все никак не мог успокоиться, и не переставал радоваться приходу Жени и Роди.

– Нет, ну надо же! Вы за мной пришли. Знали бы вы, как

мне это важно!

– Знал бы ты, из-за кого ты сюда попал, – виновато сказала Женя.

И она, наконец, рассказала Макару всю историю его задержания целиком. Хотя о многом он уже догадался сам. Она ждала, что он сейчас хотя бы обидится для приличия, но он повел себя совершенно неадекватно и странно – обрадовался еще больше. Он улыбнулся и взял Женю за плечи.

– Ты все правильно сделала! – сказал он. – Ты очень хорошая мать.

Макар посмотрел на Родиона и в шутку отчитал его.

– Понял, как у тебя мамка? Смотри мне, мамку не обижай – такой больше не найдешь. Понял меня?

– Ага, – ответил Родя.

– А где Арина? – спросил Макар.

– Главная виновница? – уточнила Женя. – Ну, извини. Для нее сейчас самое важное – это друзья.

– Да брось ты, виновница. Все правильно! Молодец она. Вон как о брате заботится, а ты говоришь, друзья – главное. А то, что не пришла, – это хорошо. Чего ей по тюрьмам шататься?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.